

Олег Волков

СПЕЦИАЛИСТ ПО ВЫЖИВАНИЮ

Том I

Олег Волков
Специалист по
выживанию. Том I
Серия «Синяя канарейка», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65190026
SelfPub; 2023*

Аннотация

Автомобильная авария приковала Верблюда, боевого офицера ВДВ, специалиста по выживанию экстракласса, к инвалидному креслу. Казалось бы, жизнь кончена. Всё, что осталось, так это вскрыть себе вены и тихо умереть. Но нет. В жизни Верблюда появился давний сослуживец с очень интересным предложением: принять участие в некоем очень секретном правительственном проекте. А там Верблюд либо целиком и полностью выздоровеет, либо умрёт. Терять бывшему специалисту по выживанию нечего, и он согласился. Невероятно! Но в секретном правительственном проекте Верблюда и в самом деле использовали по его основной специальности. Ему и в самом деле пришлось выживать. Да ещё как! Да ещё где! Подготовиться и пережить ядерную войну дано не каждому. Цикл: «Синяя канарейка» – 2.

Содержание

Глава 1. Не судьба	4
Глава 2. Когда с добровольцами негусто	13
Глава 3. Пятьдесят на пятьдесят	25
Глава 4. Огонёк надежды	48
Глава 5. Сбылась мечта идиота	83
Глава 6. Кого выбрать?	92
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Олег Волков

Специалист по выживанию. Том I

Глава 1. Не судьба

Пятница, позднее утро. Даже больше – 1-е мая 2015-го года. Часть россиян, в основном старшего и преклонного возраста, по старой памяти празднует «День международной солидарности трудящихся» и шествует по центральным улицам родного города или села с красными флагами и транспарантами. Другая часть и в самом деле отмечает «Праздник весны и труда» на каких-нибудь патриотических мероприятиях на соседних улицах и площадях. Ну а самая большая и многочисленная часть россиян предпочла воспользоваться выходным днём, хорошей погодой и рвануть за город, на природу, в деревню к родителям или на родные пять соток. Соблазн тем более велик, что впереди ещё целых два выходных дня.

Геннадий Мастэн давно отнёс себя к последней категории россиян. Пусть в далёком советском детстве ему довелось носить пионерский галстук и радостно шагать в колонне будущих строителей коммунизма, однако убеждённым комму-

нистом он так и не стал. Современная редакция праздника его также не вдохновила. Вот почему в это чудесное Первомайское утро, да ещё пятница, да ещё в преддверии двух выходных дней, Геннадий Мастэн погрузил своё семейство в давно немолодой «Рено» и отправился за город. Там, в сорока километрах от Рязани в деревне Починок, ему в наследство от бабушки достался капитальный деревенский дом с большим огородом, сараями, бетонным колодцем и, главное, добротной баней с парилкой и мойкой.

– Дети, тише!

Любимая супруга Елена развернулась вполоборота и прикрикнула на расшалившихся детей:

– Артём! Прекрати дёргать сестру за косы. Алиса! Ты же старшая, приглядывай за младшими.

– Мама! Он первый начал! – Ксения, самая младшая, недовольно шмыгнула носиком.

– Тише, говорю, – Елена вновь села прямо.

В их семье трое детей, и, Геннадий скосил глаза на округлый животик супруги, скоро будет четвёртый. Елена любит повторять, что раз ей довелось стать женой офицера, который может не вернуться из очередной командировки, то её задача – нарожать как можно больше детей. Геннадий улыбнулся собственным мыслям. На самом деле Елена очень любит детей. Она – прирождённая воспитательница. А то, что восьмилетний Артём то и дело дёргает за косички пятилетнюю Ксению, так то от скуки. Едва они доберутся до дерев-

ни, как сын тут же умчится с друзьями «гонять собак». Разнокалиберных мальчишек на эти выходные соберётся целая банда.

Давно немолодой «Рено» легко и быстро скользит по загородной трассе. Мерный гул двигателя сливается с шуршанием шин в хорошо знакомую мелодию приятного путешествия. Впереди и позади мчатся разноцветные легковушки точно таких же любителей природы. Движение весьма плотное, хотя встречная полоса практически пуста. Большое количество семей и просто шумных компаний решило в это погожее утро убраться из Рязани, большого и шумного города, как можно быстрее и как можно дальше. Природа, свежая весенняя зелень, речная прохлада и лесная тишина, манят к себе как душистый мёд трудолюбивых пчёл, как прожжённого морского пирата большой сундук с золотыми пиастрами. Улыбка вновь растянула губы, руки плотнее сжали чуть влажную баранку, да мало ли кого, что и как манит.

На душе легко и приятно. Радио играет весёлые песенки. Через узкую щель в боковом окне в салон прорывается встречный поток воздуха и шевелит волосы на голове. Геннадия, как почти военному бюрократу, полагается заслуженный выходной. А то, слава богу, едва не выпало дежурство по части. И тогда шумное, но такое любимое, семейство наслаждалось бы деревенской идиллией, вкусным чаем из колодезной воды и ароматными шашлыками без него. А так – грех жаловаться. Когда то и дело мотаешься по горячим

точкам планеты, когда по долгу службы учишь одних людей убивать других, начинаешь по-особенному ценить выходные дни подальше от городской суеты в окружении любимой семьи.

Поворот руля, «Рено» плавно свернул с федеральной трассы на дорогу районного значения. Под колёсами тут же зашуршал давно немолодой асфальт. На проезжей части то и дело попадаются более свежие и тёмные заплатки ямочного ремонта. Ну конечно же, Геннадий чуть ослабил нажим на педаль газа, скорость тут же упала, это не федеральная трасса. Хотя, и это тоже нужно признать, дорога районного значения находится во вполне приличном состоянии, по российским меркам, разумеется. По крайней мере, по ней без особых проблем можно добраться до деревни Починок хоть в снежный буран, хоть под проливным дождём. Да и ехать осталось всего ничего, чуть больше десяти километров.

Дорога с тёмными заплатками плавно изогнулась в левую сторону, зелёные кусты и деревья плотно обступили проезжую часть. На обочине мелькнул синий указатель с белой надписью: «р. Чура». Чуть дальше показалась та самая маленькая лесная речка с обрывистыми берегами и ленивой водой. Большая старая ель вцепилась в песчаный склон, плотный дёрн свесился словно грязная юбка, а корявые корни упёрлись в песок словно ноги.

Бетонный мост лет десять назад отремонтировали и снабдили металлическими перилами. На той стороне из-за пово-

рота, будто из кустов, выскочил тёмно-зелёный армейский КамАЗ. Квадратная кабина, растопыренные зеркала заднего вида. На чёрном фоне номера легко заметить белые цифры.

Немолодой «Рено» и армейский КамАЗ почти разом въехали на бетонный мост. Ширины проезжей части хватает более чем. Здесь легко разойдутся хоть две огромные фуры, не говоря уже о грузовой машине и семейной легковушке. Но...

Шестое чувство, что так часто спасало ему жизнь в «горячих точках», будто ужалило в голову. Руки плотнее сжали руль, правая нога сама утопила педаль газа упора. Движок взревел на больших оборотах, «Рено» судорожно дёрнулся вперёд. Инерция прижала жену к спинке кресла, сзади испуганно пискнули дети.

Хрен знает почему, КамАЗ дёрнулся на встречную полосу. Педаль газа упёрлась в пол. «Рено» будто и сам почуял неладное, семейный автомобиль рванул ещё быстрее!

Лобового столкновения на мосту всё равно не избежать. Инстинктивно Геннадий сделал то, что только можно было сделать – прибавил газу. Единственный шанс – проскочить точку соприкосновения. Могло! Могло получиться! Но не судьба.

Чёрный бампер армейского КамАЗа смачно боднул «Рено» в левый борт. Большая скорость и ещё большая масса породили огромную силу. Семейную легковушку развернуло на месте. Передний бампер врезался в заднее колесо КамАЗа. «Рено» крутануло ещё больше, ещё сильнее. Отбой-

ник по краю проезжей части словно трамплин. Хлипкие металлические перила испугано разогнулись в разные стороны. Семейную легковушку закружило в воздухе.

Мир перед глазами Геннадия смазался в сплошное серо-зелёное пятно. Рядом охнула супруга. За спиной заголосили дети. «Рено» будто получил мощный пинок под зад и слетел с бетонного моста. Правый борт врезался в крутой берег.

На целое мгновение «Рено» завис, будто задумался. Но вот гравитация будто опомнилась и потянула автомобиль вниз. Семейная легковушка скатилась под берег. Жёлтый песок брызнул во все стороны. Финальный удар. Лобовое стекло разлетелось вдребезги. Мир перед глазами замер вверх ногами. На перевёрнутый потолок тут же пролилась тёмная речная вода. Словно дождь, на неё упали кровавые капли.

Армейский КамАЗ разделил судьбу «Рено», хотя тяжёлый грузовик пострадал заметно меньше. Многотонная машина слетела с бетонного моста. Отбойник вдоль проезжей части лишь звякнул от бессилия, когда чёрные колёса легко вмяли стальную полосу в бетон. Хилые металлические перила со звоном прыгнули в воду. КамАЗ с рёвом ткнулся в противоположный берег тихой лесной Чуры. Задние колёса шлёпнулись в воду, брызги во все стороны.

Это только в кино автомобили красиво взрываются при любой даже самой пустяковой аварии. В реальности никаких взрывов не последовало, хотя по речной глади Чуры ра-

дужными плёнками заструился пролитый бензин и машинное масло. Первым вырубился движок «Рено». Более мощный дизель КамАЗа продержался чуть дольше, но и он вскоре замолк. Над лесной речкой вновь повисла тишина. Где-то рядом защебетала птичка, с противоположного берега ей ответила ещё одна. Природе нет никакого дела до людей.

Впрочем, не прошло и минуты, как со стороны дороги долетел дикий визг тормозов. У въезда на бетонный мост остановились старенькие, выдавший виды, «Жигули».

– Вася! Вася! Ты смотри, что делается! – Анастасия Герасимовна, немолодая опрятная женщина рядом с водителем, от ужаса заголосила.

– Заткнись, дура! – рявкнул водитель, её муж.

Василий Анисимович Наливайко, отставной прапорщик ещё Советской армии, вместе с женой и сыном возвращался в Рязань. Однако, едва из-за поворота показался бетонный мост с проломанными перилами, тут же остановил машину.

Короткие толстые пальцы Василия Анисимовича быстро выдернули из нагрудного кармана поношенной спецовки старенький сотовый телефон. Указательный палец с грязным ногтем стремительно пробежался по потёртым кнопочкам.

– Вызывай полицию и скорую, – Василий Анисимович всучил сотовый телефон жене. – Скажи, авария на мосту через Чуру, это речка такая. Поняла?

– Ага, – Анастасия Герасимовна лишь судорожно кивнула.

– Макар, – Василий Анисимович развернулся к сыну на заднем сиденье, – хватай аптечку.

– Уже, – в вытянутой руке Макара, здорового парня двадцати двух лет, качнулась новенькая автомобильная аптечка в прозрачной упаковочной плёнке.

Василий Анисимович на пару с сыном выскочил из «Жигулей». Обе дверцы громко брякнулись о кузов, но так и не захлопнулись.

К началу мая зелёная лесная поросль вытянулась до пояса. Василий Анисимович врубился в нагромождение папоротников и высокой осоки словно танк. За спиной заголосила жена:

– Алло!!! Полиция? Срочно вызовите милицию! Здесь авария! Какая? Страшная!!! Люди через мост улетели! В берег упали!... Где? Чура! Чура! Это речка такая! Мост через неё будет!

Василий Анисимович мужик суровый – прапорщик ВДВ. За его спиной остался Афганистан и два ранения. Его парадный китель, что бережно висит в шкафу, украшают четыре боевые награды. Крутой берег три метра высотой. Василий Анисимович не раздумывая сиганул вниз. Песок и глина только крякнули под каблуками массивных армейских ботинок.

Семейному «Рено» досталось преизрядно. Все окна выбиты напрочь. На левом борту осталась глубокая вмятина. Чёрная краска въелась в светлый борт легковушки. Левая фара

будто впрессована в двигатель.

– Батя, кровь! – указательный палец Макара уставился в речную воду. – А есть кто живой?

– Цыц! – Василий Анисимович бросил на сына сердитый взгляд. – Не каркай. Там, на сиденье заднем, дети, кажись. Сперва их вытащим.

Василий Анисимович вступил в воду. Ноги по самые щиколотки увязли в мягком иле.

Глава 2. Когда с добровольцами негусто

– Так, где этот файл? – Михаил Владимирович Шпин, руководитель «Синей канарейки», недовольно сдвинул пушистые брови.

– Вот здесь, Михаил Владимирович, – Николай Павлович Деев ткнул пальцем в широкий монитор настольного компьютера, – на сетевом диске «Е». Зайдите в него.

Чёрная «мышь» прошуршала по полированной столешнице. Толстый палец Михаила Владимировича несколько раз энергично нажал на левую кнопку.

– Ага, вижу, – прогудел Михаил Владимирович.

Вместе с нужным файлом автоматически загрузился текстовый редактор. На белоснежном виртуальном листе появились списки, таблицы, пояснительный текст.

– Негусто, негусто, Николай Павлович, – руководитель «Синей канарейки» машинально поправил на носу очки в массивной оправе. – Признаться, я думал, что вы подберёте больше, гораздо больше кандидатов.

– Вы же знаете: – Николай Павлович нахмурился, – каждого кандидата нужно предварительно проверить. Ведь далеко не каждый согласится добровольно залезть в инопланетную хрень, да ещё с риском и в самом деле сдохнуть от

убойной дозы радиации. К тому же...

– Да знаю я, – Михаил Владимирович махнул рукой, на лице руководителя секретного проекта застыла мина обречённого на казнь.

Михаил Владимирович углубился в чтение. Серые глаза руководителя секретного проекта за толстыми стёклами принялись двигаться туда-сюда. Время от времени морщины на широком лбу начальника то собирались в кучу, то вновь разглаживались.

Михаилу Владимировичу Шпину больше шестидесяти лет. Прирождённый военный бюрократ, но в хорошем смысле этого слова, ещё советской закалки. Говорят, в его активе руководство несколькими секретными проектами, о которых, естественно, никто не знает, однако за которые Михаил Владимирович получил кучу правительственных наград. Как ни странно, не смотря на солидный возраст, обращаться с компьютером Михаил Владимирович умеет. Персональный компьютер на его столе, широкий монитор, «мышь», и массивный, словно чемодан, системный блок на полу под столешницей, не дань моде, а рабочий инструмент. Михаил Владимирович даже умеет печатать «слепым методом», всеми десятью пальцами.

Другое дело, что руководителю «Синей канарейки» вся эта «модная электроника» не нравится в принципе. Читать с монитора, пусть даже с большого, с хорошим разрешением и качественной передачей цвета, он не любит. Если бы не

категорические требования майора Глухова, ответственного за безопасность «Синей канарейки», и строгие инструкции из Министерства, то Михаил Владимирович давно бы приказал приносить ему на ознакомление все без исключения документы исключительно на бумаге. А так...

Пусть в противостоянии с «модной электроникой» Михаил Владимирович потерпел «сокрушительное поражение», зато вся его советская закалка с лихвой отыгралась на убранстве кабинета. Как ни как, а рабочее место руководителя секретного проекта занимает два стандартных жилых бокса. Плюс в ещё одном разместились приёмная с секретаршей. Это же самый большой кабинет на объекте. Правда, и это звучит как издёвка, половина помещений на подземной базе и так пустует. Михаил Владимирович вполне мог бы увеличить площадь своего кабинета хоть в два, хоть в три раза.

Компьютер на столе Михаила Владимировича современный, российского производства, а сам стол едва ли не антикварный. Толстая тяжёлая столешница, выдвижные ящики и круглые ножки. К нему торцом примыкает второй стол гораздо более длинный и узкий для совещаний. Стулья исключительно деревянные, никакого железа или, упаси бог, пластика. Если бы письменный стол Михаила Владимировича застелить плотным зелёным сукном и поставить зелёную же лампу с широким абажуром, то в аккурат получился бы рабочий стол товарища Сталина.

На стене, за спиной Михаила Владимировича, как и по-

лагается, висит официальный портрет президента Путина. Глава государства смотрит величественно и сурово. Будто и в самом деле лично наблюдает, насколько эффективно расходуются государственные деньги. Пол в кабинете застелен красными коврами дорожками (уборщик Тимофей Сидорович, отставной чекист, давно проклинал их). У левой стены два массивных шкафа с тяжёлыми дверцами. Всё, что только можно иметь в бумаге, Михаил Владимирович предпочитает иметь в бумаге. Правда, Николай Павлович очень вовремя прикрыл ладонью неуместную улыбку, как проговорилась Шурочка, секретарша руководителя, один шкаф полностью, а второй наполовину забиты художественной литературой. Так сказать, личной библиотекой Михаила Владимировича, в основном детективами. Одно плохо – руководителю очень важного и очень секретного проекта читать особо некогда.

– Ладно, это спецназовцы, – Михаил Владимирович оторвал взгляд от монитора. – А эти, как их там, игроманы, где?

Николай Павлович мысленно махнул рукой. Вопрос вполне предсказуемый, но от этого ни чуть не более желанный. Геймер, программист и хакер Виант Фурнак стал первым, кто сумел не только выбраться из компьютера инопланетян, но и рассказать, что там творится. Грандиозный успех, вместе с фантастическими перспективами, вдохновил высокое начальство настолько, что оно расщедрилось на дополнительное финансирование. Если проще, то появилась долгожданная возможность завербовать новых добровольцев. Но имен-

но с этим и возникли проблемы.

Николай Павлович принёс список кандидатов. Иначе говоря, возможных добровольцев, которые, дай бог, сами лягут в «малахитовые капсулы». Вполне естественно, возникла идея привлечь не только профессиональных военных.

– Да, я прекрасно понимаю, что было бы неплохо привлечь новых геймеров, но, увы, – Николай Павлович выразительно развёл руками, – найти второго Винта Фурнака в нашей исправительной системе мне так и не удалось.

– Что? Неужели вообще никого нет? – на лице Михаила Владимировича отразилось неверие.

– Не, почему же, – торопливо произнёс Николай Павлович, – хакеров и геймеров сажают регулярно. Только сроки у них не сроки, а смех один. Гораздо проще отсидеть на нарах максимум пять лет, нежели добровольно сигануть со скалы с надеждой отрастить крылья. К тому же, хакеры и геймеры народ дисциплинированный. Очень часто их отпускают по УДО.

– Ну да, – нехотя согласился Михаил Владимирович. – А ты попробуй вербануть кого-нибудь ещё на этапе следствия. Вдруг получится. Сам знаешь, наши следаки любят страшать новичков нереальными сроками заключения, крутыми уголовниками и петушиными углами.

А это, Николай Павлович скосил глаза в сторону, хорошая идея. Нужно признать – Михаил Владимирович умеет находить выход из трудных ситуаций.

– Можно попробовать, – осторожно заметил Николай Павлович, только...

Дверь в кабинет с треском распахнулась.

– Куда? Опять?

Из приёмной долетел недовольный возглас Шурочки, секретарши Михаила Владимировича. На пороге на миг застыл Алексей Остовский, штатный физик «Синей канарейки». Белый халат распахнут, серые брюки старательно изжёваны. На голове физика растрёпанная причёска точь-в-точь как у чокнутого учёного Эммитта Брауна из фильма «Назад в будущее». Разве что седых волос ещё нет.

– У меня гениальная идея! – Алексей Остовский в три прыжка подскочил к столу Михаила Владимировича. – Если компьютер инопланетян переносит на физическое тело добровольца все физические повреждения, которые тот получает в игре, то почему бы не попробовать обратный процесс?

От возбуждения щёки штатного физика покраснели, а глаза заблестели как у бухого в стельку.

– Я предлагают положить в «малахитовую капсулу» инвалида! В «Другой реальности» тело игрока преобразовывается самым кардинальным образом. Виант Фурнак прошёл игру в теле крысы. Причём он великолепно управился с ним, даже когда ещё не успел осознать, что он и в самом деле оказался в теле грызуна. Ну это, – Алексей Остовский потрянул копной растрёпанных волос, – когда в самом начале игры на него собака напала. Как знать, может быть подопытный ин-

валид в «Другой реальности» станет другим. Ну, в смысле, вновь станет здоровым человеком. Не исключено, что и в реальность он вернётся также вполне здоровым человеком.

– А если не станет? – грозные очи Михаила Владимировича раскалёнными копьями проткнули физика насквозь. – А если в игре доброволец так и останется инвалидом, да так и помрёт прямо в Стартовом меню?

Вот что значит бывалый начальник, Николай Павлович отступил в сторону. Михаил Владимирович с ходу нашёл самое уязвимое место в гениальной идее штатного физика. Былой энтузиазм тут же слетел с Алексея Остовского. Произошло чудо местного значения – учёный застыл с распахнутым ртом.

Алексей Игоревич Остовский никогда не служил в армии. Гениальный мальчик Лёша сразу же после школы легко прошёл в Бауманку. Что такое армейская дисциплина и субординация он не знает и знать не хочет. Если Алексею Остовскому в голову тюкнула «гениальная идея», то он будет носиться с ней как белка в колесе, пока не вывалит её на кого-нибудь. Очень желательно на того, кто облечён властью, дабы как можно быстрее реализовать её в металл, либо в другое физическое тело. Ну а проскочить через приёмную, мимо стола секретарши, для гениального физика такой пустяк.

Шурочка, или, официально, Александра Васильевна Абрикосова, рассерженной фурией замерла на пороге кабинета. На её лице застыло жуткое недовольство. Того и гляди

глаза начнут метать молнии. В светлой блузке и в длинной юбке цвета голубой стали Шурочка как никогда похожа на строгую училку. Да и возраст у секретарши подходящий – больше сорока пяти лет. Михаил Владимирович не признаёт «молоднявых вертихвосток».

Единственное, что до сих пор спасает Алексея Остовского от немедленного увольнения с последующим расстрелом у ближайшего болота, так это его талант учёного. Да, его «гениальные идеи» редко выдерживают проверку на прочность и логику, зато, как ни странно, часто дают толчок для различных исследований и оригинальных опытов. Всё, буквально всё, что только удалось узнать достоверного о космическом корабле инопланетян, «Синяя канарейка» обязана буйной фантазии штатного физика.

– Ну да, – копна волос на голове Алексея Остовского вновь качнулась, – такой вариант развития событий вполне возможен. Зато, если инвалид сумеет пройти через Стартовое меню, то в самой игре ему могут оказать гораздо более продвинутую медицинскую помощь. Это же...

Глаза Алексея Остовского заблестели от восторга, а грудная клетка вздулась на манер кузнечных мехов и тут же опала. Господи, Николай Павлович закатил глаза, «гениальная идея» опять тюкнула физика прямо в коридоре. Времени на обдумывание у него было ровно столько, чтобы добежать до кабинета начальника.

– Это гениально! – Алексей Остовский шумно выдох-

нул. – Таким образом инвалиду могут отрастить руку или ногу. Не говоря уже о глазах, ушах...

– Хорошо, хорошо, – Михаил Владимирович торопливо перебил штатного физика, – я обязательно как следует обдумаю вашу идею и дам разрешение на эксперимент. Может быть дам, – торопливо добавил руководитель «Синей канарейки».

– Обязательно обдумайте и дайте, – от радости Алексей Остовский расцвёл как роза в мае.

– А вы пока вернитесь к своим делам, – поднажал Михаил Владимирович. – Вас ждёт величайшая загадка на земле. Ведь именно вам выпала величайшая честь раскусить её.

– Да, да, конечно, – Алексей Остовский развернулся. – Загадка... Величайшая...

Словно лунатик, которого поднять подняли, а разбудить забыли, штатный физик вышел из кабинета. Секретарша Шурочка торопливо, но аккуратно, закрыла за Алексеем Остовским дверь.

– Беда мне с этим гением, – Михаил Владимирович извлёк из нагрудного кармана носовой платок. – Никакого понятия о дисциплине и субординации. Может, – носовой платок прошёлся по широкому лбу руководителя, – отправить его на пару лет в армию, на срочную службу.

– Самый быстрый и верный способ спровадить гения, это внимательно его выслушать и пообещать содействие, – заметил Николай Павлович.

– Что я только что и сделал, – толстые пальцы Михаила Владимировича затолкали носовой платок обратно в нагрудный карман. – Иначе Алексей Игоревич застрял бы в моём кабинете часа на два и с пеной у рта принялся бы доказывать собственную правоту. Поверь, – глаза руководителя устались на Николая Павловича, – такое уже бывало, причём ни раз. Дай бог, уже завтра наш гений забудет свою бредовую идею.

– Я бы не сказал, что его идея полный бред, – задумчиво произнёс Николай Павлович.

– И ты туда же? – брови руководителя «Синей канарейки» собрались в кучу.

– Разрешите объяснить, – торопливо произнёс Николай Павлович.

В ответ Михаил Владимирович коротко кивнул.

– Давно это было, когда я ещё проходил срочную в десантуре, – Николай Павлович махнул рукой. – Один мой сослуживец загремел в госпиталь с аппендицитом. Вы сами знаете: в наше время воспаление слепой кишки никакой сложности не представляет. Операцию по её удалению обычно доверяют стажёрам. Другое дело физическое состояние больного после операции.

Когда мой сослуживец вернулся из госпиталя, то больше и охотней всего он вспоминал о собственной беспомощности после операции. Это было так унижительно писать в «утку», которую держала бабушка-санитарка. Первое, что мой

сослуживец сделал, когда едва-едва сумел подняться на ноги, так это отправился в туалет. Пусть по стеночке, пусть с черепашей скоростью, но сам, сам и только сам по-человечески отлить в унитаз.

– К чему ты клонишь?

– К тому, Михаил Владимирович, что далеко не все люди рождаются инвалидами. Гораздо чаще инвалидами становятся. Что самое печальное, далеко не все способны смириться со своей беспомощностью и нередко сводят счёты с жизнью.

Губы Михаила Владимировича сжались в глубокой задумчивости, руководитель «Синей канарейки» принялся перерабатывать информацию. Когда у тебя две руки, две ноги и ты сам можешь сходить хоть в туалет, хоть в магазин, то мысли о незавидной судьбе инвалидов редко приходят в голову. Если вообще приходят.

– В «гениальной идее» нашего физика всё же есть рациональное зерно, – Николай Павлович продолжил объяснение. – Пусть строительство коммунизма мы забросили, но и диалектику так никто и не отменил. Как, кстати, и нехватку добровольцев. Если обратное исцеление и в самом деле работает, то наш проект получит огромный отряд добровольцев. Инвалидов более чем предостаточно. Среди них вполне хватает как бывших спецназовцев, так и бывших хакеров.

Так почему бы нам и в самом деле не уложить в «малахитовую капсулу» инвалида? – Николай Павлович выразитель-

но поднял указательный палец. – Исцеление – это же такая конфетка, очень сладкая, между прочим. Тем более, у меня на примете уже есть подходящий кандидат. Получится – великолепно. Не получится... Ну что же, – Николай Павлович пожал плечами, – добровольцы иногда гибнут, а перед этим печальным событием в обязательном порядке дают соответствующие расписки.

На лице Михаила Владимировича отразилась глубокая задумчивость. Николай Павлович проработал с руководителем «Синей канарейки» более чем достаточно долго. Михаил Владимирович не имеет дурной привычки цепляться всеми конечностями за однажды принятое решение. Его вполне можно переубедить. Главное, действовать фактами, желательно проверенными и убойными, а не давить эмоциями.

– Признаться, мне и самому в пятьдесят лет удалили аппендицит. Я до сих пор помню то беспомощное состояние и эмалированную «утку» в руках молоденькой медсестры, – на щеках сурового начальника проступил лёгкий румянец.

Хорошо, – широкая ладонь Михаила Владимировича с треском опустилась на столешницу, – даю тебе моё благословение. Но сперва всю информацию по кандидату мне на стол. Точнее, – Михаил Владимирович недовольно поморщился, – в эту «модную электронику».

Глава 3. Пятьдесят на пятьдесят

Штатный физик Алексей Остовский и в самом деле уже на следующий день забыл о своей «гениальной идее». Однако сама идея запала в душу Николая Павловича. Ведь именно на нём лежит отбор, вербовка и сопровождение добровольцев. Список, что был предложен руководителю «Синей канарейки», от того и получился куцым, что найти этих самых добровольцев ох как сложно. Ещё на стадии выборки отсеивается львиная доля потенциальных игроков. А тут такая удача! Такая конфетка! Слишком сладкая и желанная для того, кому опостылело жалкое существование на этом свете и кого уже давно манит другая сторона бытия.

Через неделю после памятного разговора с Михаилом Владимировичем Николай Павлович сошёл с пригородной электрички на станции Горино в дальнем Подмоскowie.

На серый бетонный перрон выплеснулась большая толпа пассажиров с сумками и рюкзаками, хотя на календаре всего лишь четверг. А всё потому, что эта станция конечная, электричка дальше не идёт.

Обгонять общий поток ни к чему. По металлической лестнице Николай Павлович неторопливо спустился с перрона. Самое начало августа, погода – благодать! Чёрный деловой пиджак повис через левую руку. И без него жарко. Горино, в недалёком прошлом деревня, а теперь дачный посёлок, нахо-

дится чуть в стороне. Вызывать такси бесполезно, если только поймать частника. Да и зачем? Николай Павлович вдохнул полной грудью свежий лесной воздух. В столь чудный день можно и нужно пройтись пешком. Тем более, цель далёкого путешествия совсем недалеко.

Добротная асфальтированная дорога привела к тихому интернату с милым названием «Липки». Только, вопреки милому названию, суть у этого заведения печальная. Интернат принадлежит Министерству обороны России. Здесь, на полном государственном пансионе, живут инвалиды, бывшие военные, которым не повезло получить серьёзные физические увечья, но при этом остаться в живых.

Трёхэтажное здание с широкими квадратными окнами утопает в зелени. Величественные липы с широкими шаровидными кронами обступают его со всех сторон. Николай Павлович склонил голову на бок. Весьма красиво и уютно. Даже парк с асфальтированными дорожками и декоративными клумбами и тот засажен липами. Несведущий человек непременно подумал бы, что здесь находится санаторий, причём обязательно очень дорогой и только для очень крутых.

Широкое крыльцо с прямоугольным навесом обделано красными керамическими плитками. Николай Павлович толкнул большую стеклянную дверь. В вестибюле, за стойкой администратора, сидит молоденькая и весьма симпатичная медсестра. Кристально белая шапочка задорно сдвинута

на затылок. На лоб спадают белокурые прядки. Однако, Николай Павлович повернул голову, напротив стойки администратора, возле деревянной тумбы, сидит охранник в серой форме. Немолодой, но весьма крепкий на вид, дядька подозрительно сощурил глаза при виде незнакомого посетителя.

По долгу службы Николаю Павловичу так много и так часто приходится бывать незванным гостем в самых разных учреждениях и конторах, что он давно усвоил простую истину – лучше не пытаться самовольно проникнуть во внутрь. Гораздо легче и быстрее сразу же обратиться к администратору, или кто там засел на входе.

– Добрый день, меня зовут Николай Павлович Деев, майор ВДВ. Вот мои документы, – правая рука протянула молоденькой медсестре паспорт и военный билет. – Я пришёл провести моего давнего знакомого Геннадия Григорьевича Мастэна. Можно ли к нему пройти и в какой палате он находится?

Охранник напротив стойки администратора тут же успокоился и вновь задремал. Ну и правильно, Николай Павлович вновь повернулся к молоденькой медсестре. Документы самые что ни на есть настоящие. Если администратору придёт в голову проверить их, то дежурный в Министерстве обороны тут же подтвердит существование майора ВДВ по фамилии Деев и даже правильно опишет его внешний вид. Другое дело, что в части, где якобы служит майор Деев, о его существовании не ведаёт даже командир.

Давно проверенная тактика и на этот раз не подвела. Молодая медсестра быстро пробежала глазками по раскрытым документам.

– Геннадий Григорьевич Мастэн находится в девятнадцатой палате, это на первом этаже, – администратор обворожительно улыбнулась. – Сейчас как раз время для приёма посетителей. Вы можете к нему пройти. Только наденьте халат и бахилы. У нас с этим строго.

– Непременно, – Николай Павлович запихнул паспорт и военный билет в нагрудный карман рубашки.

Вешалка с халатами для посетителей и пластиковая корзина с синими одноразовыми бахилами нашлись тут же возле стойки администратора.

– Скажите, пожалуйста, – Николай Павлович накиннул на плечи почти белый халат, – а часто ли у Геннадия Григорьевича бывают посетители?

Тень задумчивости тут же накрыла личико молоденькой медсестры.

– На моей памяти Геннадия Григорьевича от силы раза два навещали престарелые родители. Да, – личико медсестры тут же просветлело, – ещё раза три-четыре приходили его бывшие сослуживцы.

– Благодарю вас, – напоследок Николай Павлович вежливо склонил голову.

То, что у Геннадия Григорьевича с посетителями негусто – очень хорошо. Очень слабые социальные связи. Одиноч-

ку гораздо легче подбить на смертельно опасную авантюру, нежели отца многочисленного и дружного семейства.

Интернат с милым названием «Липки» очень даже ничего. Правительство России наконец-то осознало простую истину: если народ не будет содержать свою армию, то ему всё равно придётся содержать армию, только чужую. Да и на военной медицине перестали экономить. Ремонт в «Липках» был не так давно. Пусть на пятёрку он не тянет, но четвёрка более чем твёрдая. Само здание построено во времена СССР, но с тех пор его внутреннее убранство существенно преобразилось. Заменены все без исключения двери. На окнах вместо деревянных рам с щелями в палец толщиной появились современные стеклопакеты. Подвесной потолок выложен белыми квадратными плитками. Вместо ламп накаливания со стальными круглыми абажурами появились квадратные светильники с четырьмя длинными лампами. Николай Павлович прищурился, может быть даже на светодиодах.

На очередной двери по левую руку блеснул жёлтый номер с цифрой девятнадцать. Должно быть это здесь. Николай Павлович аккуратно надавил на бронзовую ручку. Белая дверь тут же легко распахнулась.

Палата под номером девятнадцать является достойным продолжением коридора. Иначе говоря, и она не так давно пережила основательный ремонт. Такой же подвесной потолок со светильниками, стены обшиты панелями приятного пастельного цвета. Вместо совковых розеток видны вполне

современные под европейский стандарт.

Палата рассчитана на четырёх человек. Не будь её постельницы инвалидами, то в ней с комфортным могли бы разместиться все восемь. Между стальными кроватями специально оставлены широкие проходы для инвалидных колясок. Две из них аккуратно заправлены. На той, что справа в углу, лежит бородатый мужчина. Очень похоже на то, что он в коме. Рядом с кроватью задумчиво мигает зелёными лампочками какой-то медицинский прибор. Белые провода опутывают руки бородача и нереальными прядками свисают с его головы. Это точно не Геннадий Мастэн. Тот, ради которого Николай Павлович преодолел много тысяч километров, лежит в левом ряду на второй от окна кровати.

Да-а-а... Николай Павлович остановился возле полукруглой кроватной спинки, это действительно Геннадий Мастэн. Его, всё же, можно узнать по фотографии из личного дела. Вот, только, фотография была старая, ещё до инвалидности.

Когда Николай Павлович в первый раз раскрыл дело майора Мастэна, то с цветной фотографии на первой странице на него глянул бравый военный, образцовый офицер ВДВ в синем кителе с золотым аксельбантом на правом плече. Такой и хулигану морду набьёт, и бабушку божий одуванчик через дорого переведёт. Майор Мастэн был пусть не киношным Рембо, но вполне здоровым мужиком. Среднего роста, среднего телосложения. Мышцы не выпирали сквозь ткань парадного мундира, но то, что они есть, можно было легко

понять по уверенной осанке офицера ВДВ.

Но теперь на больничной кровати, под белым тёплым одеялом, лежит больной человек. Геннадий Григорьевич сильно сдал, похудел, осунулся и побледнел. Дряблая кожа свисает со щёк и подбородка складками. На голове бледным газончиком пробиваются седые волосы. Хотя Геннадию Григорьевичу всего лишь полных сорок два года. Из рукавов белой больничной рубахи выглядывают кисти. Синие прожилки вен будто обвили тонкие пальцы с длинными ногтями. Бывший майор ВДВ выглядит паршиво. И вряд ли плохое медицинское обслуживание тому виной.

Пару лет назад Геннадий Григорьевич вместе со всей семьёй попал в автомобильную аварию. Жена, которая была на седьмом месяце, и трое детей погибли на месте. Встречный КамАЗ буквально вышвырнул семейный «Рено» с моста. Когда спустя полчаса на место трагедии прибыла скорая помощь, жена и дети Геннадия Григорьевич были уже мертвы. Не потребовалась даже реанимация.

Николай Павлович не поленился ознакомиться с полицейскими протоколами. Авария была страшной. Побитый «Рено» даже не пытались восстановить, а сразу отправили на металлолом. Что удивило больше всего, так это реакция Геннадия Григорьевича. Из всех возможных решений он принял единственно-возможное правильное – утопил педаль газа до упора. Если бы «Рено» врезался бы в передний бампер КамАЗа, то погиб ли бы все без исключения, в том числе и сам

Геннадий Григорьевич. Следовательно, что вёл дело об аварии, прямо так и записал в протокол: «У пострадавшего Мастэна был реальный шанс избежать столкновения, но не получилось». Не судьба, одним словом.

Как ни странно, Геннадий Григорьевич выжил. Чему в огромной степени способствовали очевидцы происшествия. Василий Анисимович Наливайко и Макар Васильевич Наливайко, отец и сын, очень вовремя вытащили Геннадия Григорьевича из перевёрнутой машины и перевязали ему раны. Отставной прапорщик ВДВ, которому довелось пройти Афганистан, не забыл навыки первоочередной медицинской помощи. Только, увы, Геннадий Григорьевич остался инвалидом. Как сказано в медицинском заключении, у него парализованы обе ноги и правая рука. Левая сохранила частичную подвижность. Со временем Геннадий Григорьевич худо-бедно сумел разработать левую руку и чуть-чуть пальцы на правой. Но на этом прогресс закончился. Неутешительный диагноз поставил жирный крест на всех без исключения надеждах на будущее.

Николай Павлович присел на металлическую табуретку для посетителей. Бывший майор ВДВ то ли спит, то ли притворяется спящим.

– Геннадий Григорьевич, – Николай Павлович кончиками пальцев тронул бывшего майора за плечо. – Доброе утро.

В ответ Геннадий Григорьевич дрогнул всем телом и распахнул глаза. На его лице отразилось некое подобие интере-

са. Это хороший признак, значит, бывший майор мысленно ещё в этом мире.

– Доброе утро, – губы Геннадия Григорьевича растянулись в некое подобие улыбки. – Кто вы и чем обязаны?

– Надеюсь, вы меня вспомните. В девяносто пятом мы служили с вами в одной части.

Складки на лбу Геннадия Григорьевича собрались в узор глубокой задумчивости.

– А-а-а, – медленно протянул Геннадий Григорьевич, – припоминаю. Лейтенант Деев, если не ошибаюсь.

– Не ошибаетесь, – Николай Павлович кивнул.

– Да только вы, насколько мне известно, ушли по спецоперациям. В шпионы подались. И кто вы теперь? Майор? Полковник? Или уже генерал?

– Моё звание засекречено, – Николай Павлович улыбнулся.

– Тогда не ниже подполковника, – Геннадий Григорьевич усмехнулся, но тут же его лицо вновь стало серьёзным. – Зачем вы здесь? Близкими друзьями мы никогда не были. Даже водку вместе не пили. Да и не похоже, – Геннадий Григорьевич скосил глаза, – что вы пришли просто так проведать меня. Ни цветов, ни апельсинов в ваших руках я не вижу.

– Это верно, – Николай Павлович слегка рассмеялся. – С цветами и апельсинами я и в самом деле промахнулся. Я действительно пришёл к вам по делу. Но прежде расскажите, как вам здесь живётся?

Простой, казалось бы, вопрос вызвал на лице бывшего майора ВДВ бурю эмоций. Геннадий Григорьевич едва ли не в прямом смысле заскрежетал зубами. Будь у него здоровые руки, то они непременно с хрустом сжались бы в кулаки.

– К медицинскому обслуживанию и быту у меня претензий нет, – нехотя прошипел Геннадий Григорьевич. – Кормят в интернате хорошо. Бельё меняют аккуратно и по расписанию. Там... Таблетки, уколы разные – всё честь по чести. Наш главврач Сильвестр Игоревич не крыса штабная, а боевой офицер. Он ещё в Афганистане раненых прямо на горных перевалах штопал. К медсёстрам и врачам он относится как сержант к новобранцам: строго, но справедливо.

Чувствуется, буквально в каждом слове чувствуется, что Геннадий Григорьевич говорит как есть. Но при этом он словно проклинаят медицинских работников и желает им всем скопом сгореть в аду.

– Живётся здесь даже слишком хорошо, – Геннадий Григорьевич шмыгнул носом. – У кого хватает подвижности, у тех компьютеры есть, ноутбуки, и выход в Интернет. Так Гришин, бывший подполковник РХБЗ, блог ведёт. О жизни своей рассказывает, о службе. Он в Чернобыле был, ликвидатор. К нему в блог выживальщики всякие толпами заходят, советы спрашивают. Но, – Геннадий Григорьевич глянул прямо в глаза, – зачем вы здесь?

Про себя Николай Павлович самодовольно потёр руки, хотя внешне постарался остаться спокойным и невозмущённым.

мым. Приятно, очень приятно, осознавать, что не ошибся в первоначальном предположении. Вербовка – очень сложное действие. Подготовка, психология, стратегия и всё такое. По вполне понятным причинам легче всего вербовать тех, кого жизнь пинками загнала в угол. В данном случае вполне хватает простой надежды. Николай Павлович наклонился ближе к бывшему майору ВДВ.

– Хотите снова стать полноценным человеком? – доверительно прошептал Николай Павлович.

Это надо видеть! Первый же вопрос попал точно в цель. Геннадий Григорьевич тут же собрался и поднатужился. Дряблые складки на его щеках разгладились, а в глазах будто зажглись сверхмощные прожектора. Великолепно! Николай Павлович стиснул губы. Буквально с ходу удалось подцепить самую чувствительную струнку в душе бывшего майора ВДВ. Геннадий Григорьевич даже приподнялся на левом локте. Правая рука скатилась с его бедра словно толстая верёвка.

– А разве подобное возможно? – на лице Геннадия Григорьевича радость и эйфория в один миг сменились на острое недоверие. – Моих товарищей по «Липкам» часто используют в качестве подопытных кроликов. Вон, – голова Геннадия Григорьевича качнулась в сторону пустой койки, – Владика и Толяна вторую неделю как увезли в какое-то НИИ. Естественно, только по их личному согласию. Обещали вернуть как новенькими. Вот, только, меня не взяли. Не предлага-

ли даже. И тут заявляетесь вы. Подполковник Деев, а какую контору вы представляете? Что-то мне подсказывает, что ваша контора далека от медицины. И почему сразу полноценным человеком? Владику всего-то обещали левую руку вылечить. А Толяна вообще взяли попытаться. В чём подвох? Я готов замочить с десяток другой недругов, только не могу этого сделать по вполне понятной причине.

Поток вопросов быстро иссяк. Геннадий Григорьевич элементарно выдохнулся и успокоился. Николай Павлович, будто в первый раз, окинул бывшего майора взглядом. А Геннадий Григорьевич весьма умный малый, и сообразительный, к тому же. По крайней мере, он с ходу сумел задать несколько очень даже неприятных вопросов.

– Так в чём подвох? – гораздо более спокойно произнёс Геннадий Григорьевич. – Ваше предложение связано с риском? Со смертельным риском? И-и-и..., – Геннадий Григорьевич неловко замялся, – в качестве кого я вам нужен?

Любое терпение имеет предел, Николай Павлович не выдержал и улыбнулся. Приятно, чёрт побери, очень приятно работать с профессионалом. Всё равно приятно, даже если он инвалид и прикован к инвалидному креслу. Ну или к кровати.

– Геннадий Григорьевич, – Николай Павлович сел на табуретке прямо, пальцы сами собой сложились на животе в замок, – два года назад вы лишь внешне были похожи на военного бюрократа, который едва помнит, из какого конца авто-

мата Калашникова вылетает пуля. Большая звезда на погоне, чистенькая парадная форма, карандаш и ручка в нагрудном кармане. И, как довершение картины, чёрный дипломат. Но на самом деле вы были специалистом экстра-класса.

Вы можете мне не верить, можете смеяться, можете плюнуть мне в лицо. Последнее я как-нибудь переживу. Но вы и в самом деле нужны нам по вашему основному профилю – специалист по выживанию.

От такого признания Геннадий Григорьевич даже растерялся. В его голове никак не может уложиться мысль, а как это возможно? Почти парализованный инвалид, и вдруг специалист по выживанию? Это как правове́рный мусульманин специалист по разведению свиней.

– Пусть мы с вами давно расстались, – Николай Павлович заговорил вновь, – но я поднял документы и пораспрашивал ваших бывших сослуживцев. По их словам, вас можно было забросить хоть в Сахару, хоть на вершину Эвереста, хоть в непроходимые джунгли Амазонки в одних носках, но вы один хрен сумеете выбраться и вернуться к цивилизации. За время вашей службы вам довелось пройти буквально через все «горячие точки», в которых только довелось побывать солдатам и офицерам сначала советской, а потом и российской армии. Ну, не считая Сирии, конечно же. Там сейчас ваши ученики шороху наводят.

К вам даже кличка пристала весьма выразительная – Верблюд, – Николай Павлович поднял указательный палец. – А

всё из-за того, что вы были выносливы как верблюды. Вы могли сутками идти по маршруту, подолгу обходиться без еды и даже без воды. Усталость была не властна над вами. Ветераны ВДВ молили о пощаде и плакали как дети малые, когда в очередном тренировочном походе вы загоняли их до полного изнеможения, а сами при этом продолжали идти с полной выкладкой.

– Это всё в прошлом, – Геннадий Григорьевич опустил глаза. – Теперь я не могу самостоятельно даже сходить в туалет. А носки мне ни к чему. Тем более интересно, в чём главный подвох. Уж извините, но мне упорно не верится, будто я нужен вам как специалист по выживанию. В моём нынешнем состоянии я не могу даже преподавать или хотя бы вести блог в Интернете.

Великолепно! Николай Павлович мысленно потёр руки. Его визит в «Липки» оказался как никогда кстати. Не исключено, что ещё через год-два и Геннадий Григорьевич просто загнулся бы от тоски. В самом лучшем случае ему удалось бы совладать с компьютером и переселиться в Интернет. Его блог для выживальщиков несомненно пользовался бы бешеной популярностью.

– Пока вы не подпишите договор и подписку о неразглашении, никаких подробностей, – Николай Павлович рубанул ладонью воздух. – Но в одном вы правы: моя контора и в самом деле не имеет никакого отношения к медицине. Полное исцеление, так сказать, побочный эффект.

– А, разве, такое возможно? – на лице Геннадия Григорьевича вновь выступило неверие.

– Как ни странно, возможно. Но, с вашего разрешения, я продолжу, – Николай Павлович перевёл дух. – Повторяю ещё раз: вы нужны нам как специалист по выживанию экстра-класса. Главный подвох в том, что вы либо исцелитесь полностью, либо умрёте мучительной смертью.

– Это как? – Геннадий Григорьевич слабо усмехнулся. – Меня подвешат за ребро? Зажарят на сковородке? Или, может быть, разорвут на куски?

– Скажу так: жажда убивает быстрее голода. Сами понимаете, это весьма мучительная смерть.

– Что-то у вас не клеится, – Геннадий Григорьевич нахмурился. – Уж слишком ваши слова похожи на грандиозный розыгрыш.

Проклятье, Николай Павлович потрянул головой. Ещё немного и вербовка сорвётся. Бывшему майору ВДВ и в самом деле приходилось умирать и от голода, и от жажды. Самим фактом обезвоживания организма с фатальным исходом его не напугать и не удивить.

– Хорошо, – Николай Павлович кивнул, – попробую объяснить иначе. Представьте себе, что вас как следует накормили, напоили, переодели в лёгкий комбинезон, а потом оставили прямо на полу в пустой комнате. И сколько вы сумеете протянуть в этой самой комнате без еды и воды?

– Неужели вы не обеспечите меня даже ампулой с ядом? –

в голосе Геннадия Григорьевича проскользнул сарказм.

– Ядом мы вас обеспечим. Только, опять же, никакой гарантии: он либо сработает, либо нет.

– Какова вероятность, что яд, всё же, сработает?

– Пятьдесят на пятьдесят, – тут же ответил Николай Павлович.

– А если получится, то я вновь стану полноценным человеком? То есть, смогу ходить, бегать, стрелять, бить недругам морды и любить женщин. Никаких палочек и костылей. Я правильно вас понял?

Во чёрт, Николай Павлович отвёл глаза, ещё один очень неприятный вопрос. Однако чуйка старого вербовщика категорически запретила врать.

– То, что вы перечислили, – максимально возможный вариант, – нехотя произнёс Николай Павлович. – Вполне возможны и промежуточные варианты. Поймите главное – тут уж как карта ляжет. Наши головастики могут только гадать. Есть некая область возможностей от медленной мучительной смерти и до полного исцеления. Но что в итоге получится, – Николай Павлович пожал плечами. – Как я уже говорил, полное исцеление – это побочный результат. Будь вы здоровым человеком, то мучительная смерть вам бы не грозила, но и лечиться столь странным образом вам также не пришлось бы.

– Странное, очень странное дело вы предлагаете, – морщины на лбу Геннадия Григорьевича собрались в одну боль-

шую складку.

Николай Павлович тайком скрестил за спиной пальцы. По крайней мере, удалось объяснить, что столь странное предложение не грандиозный розыгрыш. Хотя, нужно признать, очень даже на него похоже.

– Я не собираюсь на вас давить и требовать немедленного ответа, – Николай Павлович заговорил вновь. – Могу предложить вам на раздумья три дня. Хотя нет, пусть будет неделя. Обмозгуйте всё как следует и примите решение. Да, да, именно так мы и сделаем – я позвоню вам в следующий четверг. Но это, – Николай Павлович вновь стал очень серьёзным, – должно быть окончательное решение.

Врать не буду: с добровольцами у нас негусто. Хотя... Говоря откровенно, паршиво, – Николай Павлович махнул рукой. – Но и возиться с тем, кто всё сомневается и никак не может решиться, мы тоже не будем. Тут либо в прорубь с головой, либо сиди на берегу и не пищи. На этом разрешите раскланяться.

Разговор закончен. Потенциальный доброволец пусть думает. Николай Павлович было поднялся с табуретки, но тут левая рука Геннадия Мастэна ухватила его за отворот рукава.

– Подождите, – тихо произнёс Геннадий Григорьевич, – я согласен.

– Почему? – удивлённый возглас сам собой вырвался из груди, Николай Павлович опустил обратно на табуретку. –

Вы уверены? К чему такая спешка? Ведь пятьдесят на пятьдесят и всё такое.

Ответа не последовало. Вместо этого левая рука Геннадия Григорьевича извлекла из складок простыни старую безопасную бритву. На тонкой стальной пластинке с очень острыми краями можно заметить наполовину стёртую надпись «Нева».

Николай Павлович недовольно нахмурился. Это только по сравнению с очень старыми опасными бритвами пластинки для станков называют безопасными. На самом деле они очень даже опасные. Дело гораздо хуже, чем казалось ещё пять минут назад.

– Поймите меня правильно, Николай Павлович, – Геннадий Григорьевич виновато отвёл глаза. – До той самой проклятой аварии я жил полноценной жизнью. Да, мне приходилось рисковать собственной шкурой, зато взамен я получал массу эмоций и адреналина. Командировки в медвежьи углы и «горячие точки». Обучение новобранцев и трудные походы на грани. Это только кажется, будто уж или гадюка противны на вкус. На самом деле это не так. Ну, не совсем так. Когда ты не жрал неделю, то эти гады божьи кажутся амброзией, пищей богов. Такого удовольствия от еды я не получал ни в одном ресторане.

Я сотрудничал с учёными, выявлял пределы возможностей человека и раздвигал их. На мне и с моей помощью обкатывали новые методички, новое оборудование и уточняли

старые данные. А дома меня ждала красавица жена и трое детей, почти четверо. После похода на выживание и колючей лесной подстилки по-особенному приятно заснуть на мягкой тёплой постели в обнимку с любимой женщиной.

В тот злосчастный день два года назад моя жизнь крутанулась на семьсот тридцать градусов. Некогда огромный мир сжался до размеров этой палаты. Мне даже в сад выйти и то проблема. Это же целая логистическая операция получается. Из развлечений остались только книги и телевизор. Да и они, честно говоря, давно приелись.

Рука Геннадия Григорьевича вернулась обратно на белую простыню, но Николай Павлович так и остался сидеть на табуретке. На душе у бывшего майора ВДВ, как говорится, накипело. В первую очередь он жаждет выговориться.

– Старуха-смерть жестоко отомстила мне. Боже, – Геннадий Григорьевич закатил глаза, – сколько раз я бывал на краю гибели. Господь ведаёт, сколько раз мимо меня в опасной близости пролетали пули и осколки, сколько раз мне удалось очень вовремя заметить мины и растяжки. Я разозлил старуху-смерть до белого каления. В отместку она забрала мою жену и детей. Однако меня самого так и не убила, а вновь оставила жить.

За два года я так и не смог ни привыкнуть, ни приспособиться к монотонному существованию в этой палате. У меня даже не получилось «переселиться» в Интернет, хотя Сильвестр Игоревич, это наш главврач, обеспечил меня хорошим

ноутбуком и круглосуточным доступом. Вот почему я уже два раза пытался покончить с собой.

Во даёт! Николай Петрович выпрямил спину. Как-то не верится, что тот, кто умел цепляться за жизнь всеми конечностями и зубами для полной гарантии, целых два раза пытался покончить с собой.

– Верите, нет, – Геннадий Григорьевич вновь приподнялся на левом локте, от волнения его щёки стали красными, – в «Липках» я не один такой. Инвалиды, особенно бывшие боевые офицеры, нередко пытаются свести счёты с жизнью и тем самым разом покончить с унылым и серым существованием. Поэтому медицинский персонал бдит. И, чёрт побери, – Геннадий Григорьевич рухнул на спину, – хорошо бдит. Здесь даже существует специальная программа по экстренной медицинской помощи самоубийцам. Меня пару раз буквально за яйца вытащили с того света. Так что тупо наглотаться снотворного или полоснуть по венам бритвой не получится.

Чем глубже в лес, тем толще партизаны. Николай Павлович качнул головой. Кто бы мог подумать: в тихих «Липках» кипят горячие мексиканские страсти. Хоть слезливый сериал снимай. «Санта-Барбара» будет тихо рыдать в сторонке.

– Это, – Геннадий Григорьевич приподнял в ладони безопасную бритву, – подготовка к третьей попытке. Я учёл печальный опыт и пока думаю, как ловчее пустить бритву в дело. Нужно действовать наверняка. Просто так проглотить

лезвие не получится. Но тут появились вы и предложили мне альтернативу. По крайней мере, в пустой комнате на полу я сдохну от жажды с мыслью, что у меня всё же хватило смелости попробовать. В любом случае, я ничего не теряю.

Вот это номер! Николай Павлович отвернул лицо, глаза уставились на широкую крону липы за большим квадратным окном. Глубоко в лесу нашёлся особо толстый партизан. Идея Алексея Остовского, штатного физика «Синей канарейки», и в самом деле оказалась гениальной. Только, на будущее, нужно более тщательно интересоваться не только тем, что было до инвалидности, но и ходом лечения. Наверняка обе неудачные попытки суицида зафиксированы в медицинской карте Геннадия Григорьевича. Как жаль, Николай Павлович тихо вздохнул, что у него не хватило терпения ознакомиться с ней от корки до корки.

– Хорошо, будь по-вашему, – Николай Павлович поднялся с металлической табуретки для посетителей. – Будем считать, что предварительное согласие вы уже дали. Я буду вашим куратором на всё время вашей работы на мою контору. А теперь вам придётся запастись терпением.

– Это ещё почему? – Геннадий Григорьевич недовольно нахмурился.

– Бюрократия, – Николай Павлович развёл руками. – На различные согласования и увязки могут уйти недели. Я не могу, не имею права, прямо сейчас погрузить вас на носилки и вынести из этой палаты. Это, знаете ли, будет уголовно

наказуемое деяние.

– Торопиться мне некуда, – Геннадий Григорьевич пожал плечами. – Дальше парка «Липок» я никуда не денусь.

– Тоже верно, – Николай Павлович улыбнулся. – Ну а теперь я, всё же, пойду. Всего вам наилучшего.

– Как? – Геннадий Григорьевич приподнялся на левом локте. – Вы не конфискуете у меня опасную бритву?

– И даже не расскажу о ней той симпатичной медсестре за стойкой администратора в вестибюле.

– Но-о-о..., – глаза Геннадия Григорьевича растерянно забегали из стороны в сторону, – почему?

– Попытки суицида не проходят бесследно. Если ваша психика потеряла устойчивость, то лучше вы покончите с собой здесь, в «Липках», нежели у меня на секретном объекте, – Николай Павлович перекинул пиджак через левый локоть.

– Вы циник.

– Работа такая. Но, на следующую нашу встречу, так и быть, обещаю принести цветы и апельсины.

– С меня вполне хватит и апельсинов, – Геннадий Григорьевич несколько нервно расхохотался. – Не люблю живые цветы. Они, знаете ли, демаскируют.

В вестибюле, возле стойки администратора, Николай Павлович аккуратно повесил обратно на вешалку больничный халат. Синие полупрозрачные бахилы благополучно спланировали в специальную корзину для мусора. На широком

крыльце интерната Николай Павлович вздохнул полной грудью. Нужно признать, что визит в «Липки» оказался на редкость удачным. В этих стенах можно будет наберечь много добровольцев. Правда, если только эксперимент с Геннадием Мастэном выгорит. Впрочем, в самом плохом случае, больше недели в Стартовом меню он не протянет.

Глава 4. Огонёк надежды

– Как вы себя чувствуете? – Николай Павлович протянул полный стакан, маленькие блестящие капельки воды осели на его ребристых боках.

– Ужасно, – дрожащими пальцами Верблюд тут же подхватил предложенный стакан. – Такое ощущение, будто меня волокли пару сотен километров за ноги по вконец убитой дороге.

– Ну, можно сказать, – Николай Павлович усмехнулся, – в некотором роде так оно и было.

Простая вода оказалась на удивление очень вкусной. Верблюд с превеликим удовольствием осушил стакан до дна. В глубине души тут же всколыхнулись почти забытые воспоминания. У воды из-под крана не бывает столь изумительного вкуса. Подобную воду можно найти только в нетронутых человеком уголках дикой природы. Это радует.

– На базу «Синей канарейки» вас доставили в бессознательном состоянии, – Николай Павлович осторожно вытянул пустой стакан из пальцев Верблюда.

– Теперь понятно, почему, прямо на аэродроме, фельдшер вколол мне снотворное. Только, к чему такие сложности? – Верблюд вопросительно уставился на Николая Павловича.

– Потому что вас и в самом деле везли не одну сотню километров по вконец убитой дороге. И усыпили вас ради ва-

шего блага. Иначе каждая колдобина и яма отложились бы в вашей памяти в виде весьма мучительного воспоминания.

– Это верно, – Верблюд склонил голову на бок.

Долгая и комфортная жизнь в уютном интернате в дальнем Подмоскovie вконец расслабила его. Верблюду и в самом деле давно, очень давно, не приходилось передвигаться по ухабам и колдобинам российских дорог. Максимум преодолевать низенькие дверные пороги и спускаться по стальным рельсам для инвалидной коляски с крыльца «Липок» во время редких прогулок в парке. И вот теперь его настигла неминуемая расплата – каждая мышца гудит и болит, голова трещит так, будто неделю, не меньше, жрал самый палёный самогон без закуси. Впрочем, Верблюд с интересом оглянулся по сторонам, оно того стоило.

Куда его завёз самолёт ВТА России – бог его знает. Но это точно не палата «Липок». Комната, хотя, всё же, палата, рассчитана на двоих. Однако в ней Верблюд оказался один, соседа нет и не предвидится. Стены и потолок обшиты прямоугольными панелями приятного мягкого цвета. Никакого подвесного потолка, квадратные светильники свисают на небольших металлических стойках. Что самое интересное, окон в палате нет. Вообще нет. Лишь в верхнем левом углу можно заметить стальной короб воздуховода.

Но то, что он всё таки в медицинской палате, а не в жилой комнате, громче всего говорит больничная кровать. Добротная такая, с низенькими перилами. Причём, как верхнюю

часть, так и нижнюю можно поднимать и регулировать по высоте. По левую руку от кровати застыла инвалидная коляска. Причём новенькая, резина на чёрных колёсах сияет будто полированная.

– А почему мне пришлось ждать не две недели, как вы обещали, а целых два месяца? – пальцами левой руки Верблюдов дотронулся до лба, голова всё ещё звенит.

– Бюрократия и забота о вашем здоровье, – Николай Павлович развёл руками. – Будь вы полностью здоровым человеком, то я и в самом деле забрал бы вас из «Липок» через пару недель после нашей первой встречи. А так мне пришлось долго и упорно ломать через колено главврача «Липок».

– Сильвестр Игоревич старый кремь, – Верблюдов улыбнулся.

– Вот именно. – Николай Павлович кивнул. – Это он заставил меня нанять специально для вас медсестру, которая будет ухаживать за вами на базе «Синей канарейки». А это ещё один человек, опять поиск, отбор, проверка и найм. Два месяца – это я ещё быстро.

– А что за «Синяя канарейка» такая? – Верблюдов наворострил уши.

– Скоро узнаете, – указательный палец Николая Павловича ткнулся в маленькую чёрную кнопку возле изголовья кровати. – А пока вам нужно как следует подкрепиться.

Не прошло и минуты, как дверь в палату тихо распахнулась. Немолодая, но приятная, женщина в белом халате ме-

дицинской сестры внесла большой поднос с тарелками.

– Разрешите представить, – Николай Павлович вытянул руку в сторону приятной медсестры, – Иллионора Андреевна Пыжина.

– Можно просто Иллионора Андреевна, – медсестра аккуратно опустила поднос на столик возле кровати.

– Иллионора Андреевна всю жизнь проработала в госпитале КГБ, нынешнего ФСБ. А это, как вы сами понимаете, – Николай Павлович усмехнулся, – очень хорошая рекомендация для работы в нашем заведении.

С помощью пульта под левой рукой Верблюд поднял переднюю часть кровати почти в вертикальное положение. Николай Павлович тут же придвинул специальную подставку. Иллионора Андреевна переставила на неё тарелку с супом.

Верблюд потянул носом, ноздри тут же защекотал убойный запах свежего молочного супа. Господи, и когда только успел проголодаться? Левая рука подхватила стальную ложку. Жизнь в «Липках» приучила его питаться строго по расписанию. Пока время обеда, завтрака или ужина не подошло, то чувство голода отсутствует напрочь. Впрочем, как и сытость, едва обед, завтрак или ужин закончен.

– Как я вижу, – Верблюд опустил ложку в пустую тарелку, – палату для меня вы оснастили более чем хорошо. Я здесь и в самом деле буду один?

– Да, – Николай Павлович кивнул. – Только не расстраивайтесь: в ближайшую пару месяцев вы будете заняты по са-

мую маковку. Так что трепать языком вам всё равно будет некогда.

Очень хорошая новость, левой рукой Верблюды подхватил стакан с водой. Как же приятно осознавать, что ты вновь кому-то нужен, что общество вновь нуждается в твоих услугах, а не благородно заботится о тебе в счёт заслуг былых.

Весть о том, что его берут в какой-то там секретный проект, где он, пусть и чисто теоретически, вновь может стать полноценным человеком, грубым пинком вышибла Верблюда из серого бесцельного существования, из череды тусклых дней и тёмных ночей. Впервые с той злосчастной аварии на мосту через Чуру в его душе вновь вспыхнул огонёк надежды.

Когда его только-только поселили в «Липках», то Верблюд лишь тихо надеялся, что однажды его привлекут в качестве «лабораторной мышки» для опробования какого-нибудь прогрессивного лечения. Ведь наука не стоит на месте, а ему, как инвалиду первой группы, терять нечего. Но! Спустя год, тихая надежда ещё более тихо умерла. Уж слишком тяжёлыми оказались его травмы даже для самого прогрессивного лечения. А тут! Да сразу! Да такое счастье!

Верблюд тут же выбросил из головы мысли о самоубийстве. Но, на всякий случай, спрятал подальше и понадежней безопасную бритву «Нева». Давняя привычка выживальщика так и не позволила ему ни втихаря выбросить её, ни отдать медсестре. А вдруг? Как бы не радовалась душа, а червячок

сомнения всё равно остался.

«А вдруг» чуть было не наступило. Две недели благополучно минули, однако Верблюда так никто и не забрал из таких милых, таких заботливых, но таких ненавистных «Липок». Благополучно минула ещё неделя. А потом ещё и ещё одна. Ожидание превратилось в вечность. Единственное, что удержало Верблюда от попытки достать обратно безопасную бритву «Нева» и попытаться пустить её в дело, так это ежедневные звонки Николая Павловича. Куратор секретного правительственного проекта не забыл о нём. Одно плохо – телефонная связь, сотовый дежурной медсестры, не имела никакой защиты. Николай Павлович как и прежде наотрез отказывался рассказать хоть какие-нибудь подробности.

Два месяца, целых два долгих месяца, Верблюд прожил как на иголках, на нервах, в ожидании самого настоящего чуда. Однако, как ни странно, даже одной теоретической надежды вполне хватило, чтобы он прибавил в весе пару кило, сошла былая бледность, а кожа на щеках разгладилась. Если бы он только мог, то обязательно вскочил бы на ноги и сплясал бы гопака, когда однажды днём к нему в палату вошёл Сильвестр Игоревич и поздравил с возможностью вновь стать полноценным человеком. Ну или хотя бы чуточку более здоровым, как потом добавил главврач «Липок».

На следующий день «Газель», медицинская машина «Липок», привезла Верблюда на какой-то Подмосковный аэродром Министерства обороны. Было бы очень здорово, ес-

ли бы Сильвестр Игоревич, либо кто иной из медицинского персонала «Липок», сопровождал бы Верблюда прямо до секретного объекта. Но, увы, с Сильвестром Игоревичем пришлось расстаться прямо у ворот военного аэродрома. Молчаливые военные без лишних слов докатили Верблюда прямо в инвалидном кресле до военно-транспортного АН-70. Хорошо, что хоть закрепили кресло возле овального иллюминатора. Именно так Верблюд понял, что военный самолёт взял курс куда-то на восток России. Причём очень и очень далеко на восток.

Обилие новых впечатлений сморили Верблюда. Ведь он два года не казал носу за пределы «Липок». Когда под иллюминатором потянулись бесконечные белые поля облаков, Верблюд и сам не заметил, как задремал. Ему не помешали ни бешенный рёв винтов, ни тряска, ни самое удобное для отдыха инвалидное кресло. А всё потому, что где-то в глубине души уже проснулись казалось бы забытые навыки. В не таком уж и далёком прошлом Верблюд налетался на всяких разных военно-транспортных самолётах. Главное, нашлась точка для опоры головы.

Толчок снизу резко выдернул Верблюда из объятий сна. Чёрные шасси АН-70 коснулись бетона взлётно-посадочной полосы. Увы, он прозевал момент захода на посадку. Глянуть на секретный объект с высоты так и не удалось. Лишь когда его выкатили на аппарель Ана, удалось оглянуться по сторонам. Но, опять же, ничегошеньки примечательного.

Самый обычный вспомогательный аэродром Министерства обороны. В бытность офицером ВДВ Верблюдов вдоволь налюбовался на подобные аэродромы. Вековые ели и сосны плотно сомкнутыми рядами будто наступают на взлётно-посадочную полосу. Впрочем, хилый забор из колючей проволоки на толстых трубах уже не первый десяток лет успешно держит оборону. Единственное, над вековыми елями и соснами проступили белоснежные вершины гор. Точнее, вспомогательный аэродром притаился в котловине между двумя горными хребтами.

Верблюдов так и не успел ни толком рассмотреть окрестности, ни расспросить пилотов, как к нему подошёл незнакомый фельдшер с большой медицинской сумкой через плечо и без каких-либо объяснений вколол снотворное. Верблюдов вырубился прямо там, в инвалидной коляске возле аппарели военно-транспортного АН-70.

В себя Верблюдов пришёл уже здесь, в этой чудной палате где-то в недрах секретного объекта. Единственное, что ему удалось узнать, так это название очень важного и очень секретного проекта – «Синяя канарейка». Да ещё предположить, что этот самый объект находится под землёй. В жилых комнатах и тем более в медицинских палатах обычно делают окна. Свежий воздух и какой-никакой вид во внешний мир помогают расслабиться и отдохнуть. Да и просто приятно, когда рано утром, днём или вечером в жилое помещение заглядывает Солнце.

Привычку кушать неторопливо и даже медленно Верблюд приобрёл в «Липках». Это обычный человек торопится набить желудок едой и вновь погрузиться в ворох проблем и забот. А инвалиду торопиться некуда. Даже больше: приём пищи – какое-никакое развлечение. Но вот Иллионора Андреевна унесла поднос с пустой посудой.

– Может быть теперь, Николай Павлович, вы расскажите, на какую авантюру я подписался? – Верблюд оттолкнул от себя подальше специальную подставку для еды.

– В том-то и дело, Геннадий Григорьевич, – Николай Павлович слегка улыбнулся, – что официально вы ещё ни на что не подписались.

Из чёрного кожаного дипломата Николай Павлович извлёк увесистую стопку бумаг. С такой хоть татар встречай.

– Настоятельно рекомендую ознакомиться от первой до последней страницы, – стопка бумаг плюхнулась Верблуду на колени. – Договор хоть и стандартный, но, сами понимаете, не холодильник в кредит покупаете.

Договор весьма увесистый, даже с учётом того, что в стопке не один, а сразу два экземпляра. Верблюд наугад перелистнул сразу с десятков страниц. Глаза быстро пробежались по печатным строчкам. Верблюд недовольно поджал губы, как и следовало ожидать, секретный проект так и проходит через все страницы под кодовым названием «Синяя канарейка».

– Как я понимаю, – Верблюд поднял глаза на Николая Пав-

ловича, – подробностей «Синей канарейки» в договоре нет.

– Совершенно верно, – Николай Павлович кивнул. – Вам уже приходилось подписывать подобные договоры. Суть и подробности «Синей канарейки» вы узнаете позже.

Это верно, Верблюд вновь склонил голову. То, о чём рассказывают в новостях по телевизору, на самом деле лишь публичная вершина айсберга. На самом деле военных конфликтов на Земле гораздо больше. Только далеко не во всех из них гремят пушки, а истребители-бомбардировщики сбрасывают на головы боевиков всяких там террористических организаций высокоточные бомбы и ракеты.

Юридические термины и формулировки похожи на уголовную феню. Читать и разбираться со всеми этими «обязан», «запрещается», «деяние», «ответственность сторон» нет никакого желания. Верблюд разом перевернул листы на самый конец договора и взял шариковую ручку. Орудовать левой рукой очень неудобно, за два года он так и не перекопался в левшу, однако Верблюд старательно вывел свою фамилию с инициалами.

– Зря вы так, – Николай Павлович качнул головой, словно строгий учитель над шалостью нерадивого ученика. – Мало ли что там написано. Может, от вас потребуют принести в жертву святой бюрократии своего первенца.

– Мне уже всё равно, – Верблюд неловко сдвинул первый экземпляр договора в сторону. – Хуже, чем есть, быть не может. Мой первенец уже в могиле.

– Крыть нечем, – Николай Павлович грустно улыбнулся. – Тогда не забудьте подписать не только последнюю страницу, но и каждый лист.

– Это же слишком много, – Верблюд глянул на Николая Павловича.

– А вы что хотели? – Николай Павлович пожал плечами. – Принести в жертву первенца гораздо проще.

Чёрный юмор потому и называется чёрным, ибо далеко не всегда хочется смеяться над его чёрными шутками. Но, как бы не было сложно орудовать левой рукой, Верблюд старательно подписал все без исключения листы пухлого договора в обоих экземплярах.

– Великолепно, – Николай Павлович убрал один экземпляр договора в свой чёрный дипломат, а второй закинул в тумбочку возле кровати Верблюда. – Теперь вы официально зачислены в штат «Синей канарейки» на должность младшего научного сотрудника с соответствующим окладом и полным государственным обеспечением.

Словно рекламируя дорогие апартаменты перед ещё более дорогим покупателем, Николай Павлович обвёл палату рукой.

– Ваш договор отличается от стандартного только в той его части, где учитывается ваше физическое состояние. Иначе говоря, вам полагается личная медсестра Иллионора Андреевна. Хотя и я обязан предупредить вас сразу, при необходимости, её могут привлечь для работы в медицинском от-

деле «Синей канарейки», если вдруг потребуется пара дополнительных профессиональных рук.

Медицинское обслуживание вы будете получать за счёт государства. Так же за вами сохраняется пенсия по инвалидности. Отдельно прописан отказ от претензий в случае получения тяжёлых увечий или смерти.

От последней фразы Верблюды грустно улыбнулся.

– Кроме договора, вы подписали подписку о неразглашении.

– Это такая большая аж на пару страниц? – уточнил Верблюд.

– Она самая, – Николай Павлович кивнул. – Согласно ей, вы не имеете права рассказывать кому бы то ни было о «Синей канарейке» в течении двадцати пяти лет с момента окончания договора.

В принципе, ожидаемо. В недалёком прошлом Верблюд и так приходилось подписывать как подобные договоры, так и подобные расписки. Причём не так уж и редко. Как говорят в подобных случаях авантюристы и наёмники, щедрая награда за смертельный риск. Правда, родное государство редко бывает щедрым, зато предоставляет возможность изрядно пощекотать нервы. Заодно государство предоставляет право легально и без последствий убивать других людей.

– Ваш экземпляр договора я убрал в вашу тумбочку. Настоятельно рекомендую ознакомиться с ним на досуге, если, конечно, у вас будет желание и время. Ну а теперь вторая

часть – правила ТБ.

На колени перед Верблюдом плюхнулась не менее толстая пластиковая папка с инструкциями.

– Как и с договором, вы обязаны всё это внимательно прочитать, ознакомиться и понять. Это не только ваше право, но и прямая обязанность. Впрочем, вы вполне можете подписать их не глядя.

– Что я и сделаю, – левой рукой Верблюд подцепил пластиковую корочку. – Вряд ли я смогу заходить куда запрещено, стоять под грузом или перебегать на красный свет.

– Да вы идеальный работник, – Николай Павлович тихо рассмеялся.

Как и договор, Верблюд старательно подписал все инструкции по ТБ и захлопнул толстую пластиковую папку.

– Инструкции по ТБ я так же оставляю у вас в тумбочке. Прочтите, если будет свободное время и желание. Ну а теперь самое главное.

По спине скатился неприятный холодок. Верблюд поёжился. Началось! Одно дело надеяться на чудо и успокаивать себя мыслью, дескать, терять уже нечего. И совсем другое реально узнать, на что же на самом деле только что подписался, причём не глядя.

– Геннадий Григорьевич, – Николай Павлович улыбнулся, но так недобро, можно сказать, зловеще, – как вы относитесь к уфологии и к уфологам?

Станным вопросом Верблюд вытянулся в струнку. Левая

рука нервно скомкала край одеяла.

– Неоднозначно, если честно, – Верблюду отвёл глаза, буд-то только что сознался в прелюбодеянии. – С одной стороны, всё это похоже на бред сумасшедшего: летающие тарелки, инопланетяне, больные на голову контактёры и неадекватные уфологи. На теме НЛО очень любят пиариться всякие жёлтые газетёнки и сайты сомнительного содержания. Но, с другой стороны, мне самому приходилось сталкиваться с тем, что не всегда можно уложить в рамки привычной жизни и официальной науки. Ведь я не кабинетный учёный, не «диванный аналитик», а солдат. Мне пришлось прошагать не одну тысячу километров по самым забытым дырам. Знаете, как говорят в народе: где последний медведь от она-низма умер.

Так, однажды в Афганистане, я сам видел, как над разгромленным караваном моджахедов зависла какая-то хрень. Сперва подумал, что это такой американский дрон. Но нет, эта хрень и в самом деле просто зависла над горной тропой, как лампочка в коридоре над ковриком, без всякого стрекота воздушных винтов или воя реактивных турбин.

В другом случае, уже в джунглях Индокитая, наш отряд наткнулся на какого-то странного чужака. Это как в «Хищнике»: дрожащий силуэт и странные следы на грязи. Мы сразу разрядили в него половину боекомплекта, но пули просто отлетели от чужака. Разница между нами и киношным Шварценеггером была в том, что чужой не стал охотиться на

нас, а предпочёл обратиться к восояси. Ну и мы, от греха подальше, рванули в противоположную сторону.

Так что, – Верблюд поднял левую руку, – с ходу и по матери всех этих уфологов я не посылаю, а требую доказательств. Другое дело, что этих самых доказательств я до сих пор не видел. Ну, не считая смутных фотографий и больных на голову контактёров.

– Великолепно! – ладони Николая Павловича с шумом хлопнули по коленям. – Как раз с доказательствами у нас полный порядок.

– Вы что, – Верблюд приподнялся на левом локте, – контактируете с инопланетянами? «Синяя канарейка» специально для этого создана?

– Ну, не совсем, – Николай Павлович тут же сбавил обороты. – Однако то, что разумная жизнь за пределами Земли существует – твёрдо установленный научный факт. Давайте, я расскажу вам всё по порядку.

– Давайте, – Верблюд упал обратно на спину.

Голова кругом. Если бы Николай Павлович спросил бы об отношении к уфологии и к уфологам ещё в «Липках», а потом заявил бы, будто они «не совсем контактируют с инопланетянами», то Верблюд точно решил бы, что это розыгрыш. Причём тупой и весьма циничный. Но теперь, когда между ним и «Липками» несколько тысяч километров, когда специально для него наняли опытную медсестру, когда ему пришлось подписать толстый договор и расписку о неразгла-

шении на четверть века, как-то не верится, будто Николай Павлович вот сейчас напялит на голову шутовской колпак и гаркнет во всё горло: «Разыграли дурака на четыре кулака!!!»

– Наши геологи так и не решили, когда именно это произошло. Одни уверяют, что миллион лет назад, другие дают не больше тысячи. Так или иначе твёрдо установлено одно: здесь, – указательный палец Николая Павловича ткнулся в пол, в недрах Юланской горы в республике Алтай, спрятан корабль инопланетян. Пришельцы, кем бы они не были, выкопали огромный котлован, опустили в него космический корабль и засыпали его. Для входа остался небольшой туннель, который выходит в систему естественных пещер под Юланской горой.

Во времена Российской империи многие исследователи и переселенцы слышали легенды местного населения о зелёной пещере, откуда никто не возвращается. Во времена СССР все эти рассказы были объявлены пережитками тёмного прошлого. Поэтому лишь в 2009-ом году профессор Фёдоров из Геологического института всё же сумел найти вход в корабль пришельцев.

Впрочем, что это был корабль инопланетян, профессор Фёдоров так и не понял. Он действительно нашёл «малахитовую комнату». Это уже после, в результате тщательных изысканий, было установлено, что «малахитовая комната» является частью огромного космического корабля.

– А почему именно корабля, да ещё космического? – не удержался Верблюды.

– Обтекаемая форма, некое подобие стабилизаторов для полёта через атмосферу и что-то вроде реактивных дюз. Хотя наши головастики до сих пор так и не сумели объяснить, каким образом и на какой тяге летал этот космический корабль. Но это ладно, – Николай Павлович махнул рукой. – Сейчас я вам кое-что покажу.

Из чёрного дипломата Николай Павлович извлёк тонкий ноутбук. Пришлось подождать, пока загрузится операционная система.

– Вот, – Николай Павлович опустил на колени перед Верблюдом раскрытый ноутбук, – это «малахитовая комната».

Верблюды уставился на экран во все глаза. Весьма качественный цветной снимок. Какое-то длинное помещение с полукруглым сводом. Вдоль стен тянутся самые настоящие каменные надгробья. Или нет? Верблюды сощурился. Можно заметить, что ближайшие надгробья раскрыты. Часть полукруглого свода отсутствует. При желании, можно легко забраться во внутрь. И, действительно, Верблюды усмехнулся, «малахитовая комната». Стены, свод и надгробья сверкают приятной зеленью с более светлыми прожилками.

– Цвет комнаты и в самом деле сильно напоминает полированный малахит, – Николай Павлович развернул ноутбук экраном к себе, – только это не малахит. Наши химики и геологи едва не совершили ритуальное харакири, но так и не

сумели сказать, что же это такое. Материал холодный, гладкий и приятный на ощупь. Ещё можно сказать, что он искусственного происхождения и очень долговечный.

Как ни странно, «малахитовая комната» предназначена специально для людей. В своё время профессор Фёдоров просто толкнул «малахитовую дверь» пальчиком и легко прошёл в «малахитовую комнату». Ну а эти надгробья мы называем «малахитовыми капсулами».

Николай Павлович вновь развернул ноутбук. На этот раз одна из капсул представилась крупным планом. Верблюд склонил голову на бок. Вблизи она действительно не похожа на надгробье. Совсем не похожа. Задняя часть открыта почти на половину. Внутри можно разглядеть силуэт человека. По крайней мере, можно легко узнать очертания плеч и головы.

– А теперь самое интересное.

Николай Павлович поднялся с табуретки. Рука куратора коснулась клавиатуры. На экране тут же появилась другая фотография. Да это же, Верблюд усмехнулся, компьютер. Точнее, каменный компьютер: большой монитор, а под ним что-то вроде подставки. В панель утоплен небольшой шарик, по левую руку от него две кнопки, одна маленькая, другая заметно больше. Компьютер вырезан из того же «малахита», но весьма и весьма реалистично.

– Мы называем его «малахитовым компьютером». Он рабочий.

– Это как? – Верблюд глянул на куратора. – Даже на фотографии видно, что он каменный. Да и где полноценная клавиатура? Где «мышь»?

– Во-первых, «мышь» там есть – тот самый шарик. На заре становления персональных компьютеров были и такие манипуляторы. Просто позже их целиком и полностью вытеснили привычные сегодня «мышки». А во-вторых, для работы с этим компьютером волне хватит двух кнопок. Но я забежал вперёд.

Николай Павлович слегка прокашлялся.

– Сперва мы понятия не имели, что это за штука такая. Но, как сам видишь, каждая «малахитовая капсула» сама зовёт забраться в неё и нажать на пару кнопок на рисунках ладоней. К слову, это единственные подвижные части в «малахитовых капсулах».

Первый доброволец лёг и нажал обе кнопки, капсула тут же закрылась. Мы ждали, ждали, ждали, но всё было без толку. Всего в капсулы легло пять человек. Мы тут до такой степени не знали что делать, что опустились до маляра, – Николай Павлович усмехнулся. – Потом как-нибудь расскажу. «Синюю канарейку» едва не закрыли, как вдруг одна из капсул открылась.

К нашему ужасу, в «малахитовой капсуле» оказался труп. Причём труп свежий. Добровольца расстреляли из автомата буквально за пару минут до того, как «малахитовая капсула» открылась.

– Как это расстреляли? Кто его расстрелял? – Верблюд приподнялся на левом локте.

– Ты дальше слушай, – Николай Павлович махнул рукой. – В общем, добровольца расстреляли из автомата. Патологоанатом зафиксировал шестнадцать ранений от пуль калибром примерно пять миллиметров. Но самих пуль в теле не оказалось. Даже больше – на добровольце была надета тонкая куртка. Так вот, она оказалась абсолютно целой и новой, будто доброволец только-только надел её. Что, собственно, он и сделал, прежде чем лечь в капсулу.

Потом открылась вторая капсула. Но и в ней оказался свежий труп. Разница в том, что на этот раз добровольцу перерезали горло и сняли скальп. Кожа с волосами осталась на месте, но патологоанатом легко стянул её уже в морге. Кроме того, в ранах не удалось найти никаких следов от клинка.

– Так не бывает! – воскликнул Верблюд. – Следы всегда остаются. Никто не носит с собой идеально чистый, стерильный нож. Грязь, сколы должны были остаться.

– Верно, – Николай Павлович кивнул, – должны были, но не остались. С вашего позволения, я продолжу.

«Синюю канарейку» едва не закрыли вновь. Мало того, что высокое начальство так и не получило никакого результата, так эта инопланетная машина ещё и убивала людей весьма изощрённым образом. Однако, на наше счастье, спустя некоторое время, открылась третья капсула. Доброволец был жив и даже сумел самостоятельно выбраться наружу.

Единственное, что он успел произнести, было: «Это игра. Компьютерная игра. Охрененная компьютерная игра, но мне удалось выбраться».

– И от чего же он умер? – Верблюд отвёл глаза, на душе скопился горький осадок дурного предчувствия.

– От убойной дозы радиации, – охотно пояснил Николай Павлович. – Доброволец фонил так, будто пробежался в одних трусах по эпицентру ядерного взрыва. Однако мы получили какой-никакой результат. Именно тогда мы и поняли, что этот инопланетный компьютер отправляет людей в некую очень реальную компьютерную игру. Причём реальную настолько, что доброволец гибнет на самом деле. То есть, никаких запасных жизней, перезагрузок и бэкапов.

Следующим в «малахитовую капсулу» лёг Виант Фурнак, геймер и хакер.

– Постойте, – Верблюд тут же встрепнулся, – это, случаем, не тот хакер Фурнак, что украл тринадцать миллионов долларов из какого-то столичного банка и получил за это фантастический срок в двадцать пять лет?

– Он самый, – Николай Павлович усмехнулся, – только он утверждает, будто не крал те самые тринадцать миллионов. А вы откуда знаете?

– А! – Верблюд махнул левой рукой. – Подполковник Гришин, ну, этот, в «Липках», который ещё блог ведёт, в своё время всему интернату все уши прожужжал. Задела его эта история. То ли тем, что малец упёр тринадцать миллионов.

То ли тем, что самому Гришину за подобное преступление ничего бы не было. Сами знаете: у нас инвалидов не сажают.

– Понятно, – Николай Павлович кивнул. – В общем, как ни странно, Вианту Фурнаку удалось вернуться из «Другой реальности», это так та самая компьютерная игра называется. На данный момент, всё, что мы о ней знаем, нам известно исключительно с его слов.

Подробности вы узнаете чуть позже. Сейчас же скажу самое главное: мир компьютерной игры не только до ужаса реальный, а ещё и заметно более развитый, чем наш. Виант Фурнак познакомился со многими технологиями, о которых мы можем только мечтать, либо читать в фантастических книгах. Чего только стоят высокотемпературные сверхпроводники, накопители энергии большой ёмкости и электромагнитное оружие. А там ещё имеется промышленная эксплуатация Аниты, это местная Луна такая, пилотируемые полёты к дальним планетам звёздной системы, а в недалёкой перспективе и к другим звёздам.

Сами понимаете: – Николай Павлович усмехнулся, – ради таких «плюшек» наши генералы и политики личные карманы наизнанку вывернут. Таким образом «Синюю канарейку» так и не закрыли, а даже увеличили финансирование.

– Разве, Виант Фурнак не поведал вам о всех этих чудесных технологиях?

Николай Павлович тут же смутился, будто жена спросила его, а что это за блондинка была с ним в ресторане на про-

шлой неделе?

– Видите ли, – Николай Павлович недовольно сдвинул брови, – Виант Фурнак был не совсем добровольцем. Как именно ему придётся работать с инопланетным компьютером он узнал за пять минут до того, как лёг в «малахитовую капсулу». Но главное он всё же сделал, – Николай Павлович резко сменил тему, – сумел рассказать, что творится в «Другой реальности» и вынести базу дитарского языка.

– Так ещё и язык учить?

– Не без этого. Ваша миссия в том и будет заключаться: лечь в «малахитовую капсулу», войти в «Другую реальность» и выяснить как можно больше подробностей о тех самых чудесных технологиях. Больше всего наших учёных интересуют высокотемпературные сверхпроводники, генераторы на низкопотенциальном тепле и, естественно, электромагнитное оружие. Ну и прочие технологии, до которых вы только сумеете добраться. Но три первые – это приоритет.

– Да как же я смогу до них добраться? Если вы не заметили, – Верблюд резко откинул одеяло в сторону, – я инвалид. Ходить не могу совсем. В моём распоряжении только одна левая рука. На правой могу лишь едва-едва шевелить пальцами.

– А вот в этом и заключается самый главный риск вашей миссии, – замечание об инвалидности ничуть не смутило Николая Павловича. – «Другая реальность» переносит на физическое тело игрока все повреждения, что он получает в

игре. Именно так погибли два первых игрока, а третий схватил убойную дозу радиации. Так почему бы не предположить то, что мы назвали «обратным исцелением». Если поместить в «малахитовую капсулу» вас, то есть надежда, что «Другая реальность» сделает вас полноценным человеком.

– А если не сделает? – сарказм ядовитой каплей сорвался с языка.

– Поэтому ещё там, в «Липках», я честно предупредил вас об опасности умереть быстрее от жажды, нежели от голода. Игрок не попадает сразу в игру. Сперва он оказывается в так называемом Стартовом меню. Если верить Вианту Фурнаку, «малахитовая капсула» закроется над вами и тут же откроется, но вы уже будете в виртуальном пространстве.

– И как же выглядит Стартовое меню?

– Один в один как «малахитовая комната».

– Вы серьёзно?

– Сам не видел, – Николай Павлович сдержанно улыбнулся, – но, опять же, Виант Фурнак утверждал, что так оно и есть. Главное отличие между реальной «малахитовой комнатой» и виртуальной – тот самый «малахитовый компьютер». Он окажется рабочим. В свою очередь, дверь, через которую вы попадёте в «малахитовую комнату», превратится в барельеф. На ожившем «малахитовом компьютере» вам предстоит выбрать персонаж. Сама игра будет только одна, хотя там имеются и другие уровни.

Как я и обещал, мы снабдим вас ампулами с ядом. Только,

сами должны понимать, нет никакой гарантии, что они перенесутся вместе с вами в Стартовое меню. А если перенесутся, то яд сработает. Стартовое меню вполне может стать той самой комнатой, где вас ждёт смерть быстрее от жажды, нежели от голода.

Верблюд насупился. О последнем обстоятельстве можно было бы и не упоминать лишний раз.

– Впрочем, всё не так уж и плохо, – торопливо добавил Николай Павлович. – Есть надежда, что так или иначе вы сумеете уйти в игру. А в более продвинутой «Другой реальности» местные врачи сумеют вас излечить.

– Тоже вариант, – Верблюд нехотя кивнул. – А в чём подвох? Ну, кроме жажды и бесполезного яда. Он должен быть. Такие знания, такие «плюшки», просто так и на блюдечке? Не верится.

– Верно, – Николай Павлович усмехнулся. – По этому поводу Виант Фурнак высказался очень точно: «Ценные знания никто просто так на блюдечке с голубой каёмочкой не принесёт. Наоборот – их нужно заработать потом и кровью, буквально выцарапать. И вовремя унести ноги».

Николай Павлович на мгновение замолчал, а потом разом выпалил:

– В «Другую реальность» игрок попадает накануне самой настоящей глобальной ядерной войны.

– О, господи! – Верблюд резко выдохнул.

От такой новости аж мороз по коже. Слава богу, в родной

реальности Холодная война так и не переросла в Третью мировую. Пусть сейчас на мировой арене творится чёрт знает что, одна война в Сирии чего стоит, но, по крайней мере, «ядерные грибы» до сих пор не выросли. Что в Рязанском воздушно-десантном училище, что позже в различных частях, Верблюду приходилось регулярно учиться и учить других как пережить ядерный удар, а так же последствия применения всех прочих видов оружия массового поражения. Но всегда и везде в глубине души жила надежда, что все эти знания и навыки так и останутся невостребованными. А тут...

– Что? – Николай Павлович усмехнулся. – Только что пожалели о содеянном?

– Скажем так: – Верблюд кисло улыбнулся, – я даже не думал, что мне выпадет шанс сдохнуть от лучевой болезни под радиоактивными развалинами. Я всего ожидал, но чтоб такое! – Верблюд пожал плечами.

– Это верно, – Николай Павлович усмехнулся. – Зато вам не придётся прыгать с головой в тёмный омут. Вы узнаете о «Другой реальности» всё, что нам удалось выжать из Вианта Фурнака. А выжать нам удалось очень даже много чего. Его допрашивали опытные дознаватели. Для полной надёжности, были применены специальные средства и гипноз. По крайней мере, Виант Фурнак рассказал всё, что знал, причём честно. Главное, месяцев за шесть вы выучите дитарский язык.

– Может быть даже быстрее, – заметил Верблюд. – Кро-

ме английского, я в совершенстве владею арабским, пушту, фарси. В принципе, смогу объясниться на тайском и мандаринском.

– Очень и очень на это надеюсь, – Николай Павлович склонил голову. – В принципе, Геннадий Григорьевич, у вас имеется свободный день. Точнее, полностью свободная вторая половина дня. Если хотите, то можете отдохнуть. Так сказать, прийти в себя после долгой и нелёгкой дороги. Там, – Николай Павлович скосил глаза, – принять душ, ванну. Иллионора Андреевна, так сказать, составит вам компанию.

– Шутить изволите, – Верблюд печально рассмеялся. – Отдохнуть можно, только смысла нет. Да, физически я чувствую себя неважно, зато куда уж основательно выпался. Мне удалось подремать ещё в транспортном самолёте. Не говоря уже о снотворном по пути до «Синей канарейки». Будет лучше, если занятия начнутся прямо сейчас. Да и, – Верблюд отвёл глаза, – признаться, любопытство распирает.

– Великолепно, – Николай Павлович выпрямился на табуретке. – Учить вас дитарскому языку будет Илья Моисеевич Шантыгин, наш штатный лингвист. Заодно он познакомит вас с миром «Другой реальности». Ноутбук я оставляю, он вам потребуется. Если вопросов больше нет, то, – Николай Павлович поднялся с табуретки, – разрешите откланяться.

– Пока вопросов нет. Но, боюсь, будут.

– О-о-о, по этому поводу можете не беспокоиться, – Ни-

колай Павлович подхватил с пола чёрный дипломат, – мы с вами ещё увидимся, причём ни раз. Доброго вам здоровья и не падать духом.

– И вам всего наилучшего, – в ответ Верблюдысклонил голову.

Дверь за Николаем Павловичем тихо закрылась. Верблюды аккуратно переложил ноутбук на прикроватную тумбочку. Что можно сказать? Верблюдыоткинулся на подушку. Сбылась мечта идиота. Растерянность, самая настоящая растерянность охватила его с ног до головы. Типичный конфликт между горячей душой и холодным разумом.

Холодный разум предупреждал-предупреждал, предупреждал-предупреждал, что без подлянки, без подлой и грязной подлянки, обойтись решительно невозможно. А горячая душа один хрен, вопреки всем логическим выкладкам и рассуждениям, надеялась на чудо. За долгую службу в ВДВ Верблюды привык рисковать, причём не деньгами, а собственной жизнью. Но! Одно дело, когда риск, пусть даже огромный, худо-бедно можно просчитать, и совсем другое, когда от тебя лично ничегошеньки не зависит. Ну не захочет эта инопланетная хрень исцелять его да так и оставит в том самом Стартовом меню с парализованными ногами на верную смерть. Не захочет, и ничегошеньки с этим не поделаешь.

Самое тяжкое бремя для инвалида – собственная беспомощность. Верблюды даже самостоятельно в туалет сходить не может. Если в Стартовом меню он и в самом деле останется

инвалидом, то это ещё полбеды. Гораздо хуже, если ни одна из ампул с ядом не сработает, или их не будет вообще. Тогда каким-то образом всё же придётся добраться до «малахитового компьютера» и нажать на те самые кнопки наугад. Само по себе такое действие будет крайне проблематичным. А потом его будет ждать «Другая реальность». А где гарантия, что его, пришельца хрен знает откуда, будут лечить? Может статься, что его отправят в виртуальный аналог «Липок». И тогда ему до конца жизни так и придётся лежать на кровати, кататься на инвалидной коляске и писать в утку? Хотя нет, даже этого может не получиться. Ядерная война унесёт миллионы жизней. Если у здорового человека всё же есть шанс пережить её, то у прикованного к постели инвалида – без вариантов. Это точно. Да-а-а... Верблюд тяжело вздохнул, поздно пить боржоми...

Шорох входной двери словно спасение свыше. Верблюд поднял глаза.

– Добрый день. Меня зовут Илья Моисеевич Шантыгин, – незнакомец аккуратно закрыл за собой дверь. – Дабы на корню пресечь крайне неприятные для меня расспросы, сразу сообщаю: да, мой отец еврей, а мать – русская. Может быть вы и примите меня за еврея, однако настоящие евреи меня за своего так и не приняли. Не помогло даже обрезание. И хватит об этом!

Левая рука очень вовремя приподняла верхний край одеяла, Верблюд едва сдержался, чтобы не расхохотаться. Вот

он личный маленький комплекс. На вид Илье двадцать шесть лет, может быть двадцать восемь. Лицо, а нос в особенности, самое что ни на есть семитское. Но Илья прав: у евреев национальность передаётся по матери, а не по отцу. Для настоящих евреев он и в самом русском.

Илье и в самом деле гораздо больше подошла бы кипа, маленькая чёрная шапочка, и чёрный деловой костюм адвоката. А то лёгкий костюм стального цвета из брюк и куртки с длинными рукавами смотрятся на нём нелепо. Да и лёгкие ботинки с чёрными шнурками солидности не добавляют. Зато дипломат в его левой руке выглядит как надо: чёрный, из натуральной кожи, большой и солидный.

С гордым видом, будто это он вице-президент независимой республики Израиль, Илья прошёлся по палате и присел на табуретку. Скорей всего, он выпускник какого-нибудь ВУЗа. Не исключено, что он и в самом деле талантливый лингвист, только без связей. Зато с амбициями, раз подписался на «Синюю канарейку» с её может быть и щедрыми, но кабальными условиями.

– Как я вижу, – Илья вытянул шею, – ноутбук уже при вас. Очень хорошо. Одна рука у вас должна работать. Это правда?

– Да, – Верблюд вытащил из-под одеяла левую руку.

– Очень хорошо, – дипломат на коленях Ильи открылся со сдвоенным щелчком, наружу показался ярко-синий ноутбук. – Я буду обучать вас дитарскому языку. Заодно поведаю

всё, что нам известно о мире Ксинэи. Эта планета так называется, где вам предстоит жить и работать.

– А почему о Ксинэе мне не может поведать сам Виант Фурнак? – Верблюд сел прямо. – При всём уважении, но информация из первых рук всегда лучше, чем из вторых.

Пальцы левой руки пробежались по кнопочкам маленького пульта. Ежели предстоит долгая учёба, то имеет смысл приподнять переднюю часть кровати в более удобное положение.

Простой, казалось бы, вопрос вызвал в душе Ильи бурю эмоций. На лице лингвиста отразилась такая досада, такая, будто он только сейчас узнал, что полноценным евреем ему не быть. И что обрезание он сделал зря.

– Виант Фурнак вновь в игре, – отчеканил Илья, его губы скривились так, будто он надкусил очень горький стручок самого жгучего перца. – Причём он ушёл не один, а с напарницей.

По виду Ильи, а, особенно, по тону его голоса можно легко догадаться, что эта самая напарница – молодая и красивая девушка, тайная любовь местного лингвиста. Верблюд тихо захрипел, будто прокашлялся. Вот она местная «санта-барбара» во всей красе.

– Но не будем о грустном, – на лице Ильи вновь появилось деловое и сосредоточенное выражение, будто маску надел. – Прежде, чем мы приступим к изучению дитарского языка, считаю необходимым сообщить вам несколько очень

важных обстоятельств. Во-первых, дитарский язык мне довелось выучить исключительно со слов Вианта Фурнака. В свою очередь, Виант Фурнак выучил его по ходу дела. Чтение и значения слов мы худо-бедно знаем. А вот с произношением неизбежны большие проблемы.

Если проще, то не удивляйтесь, если первый же собеседник в мире Ксинэи вас не поймёт. А всё потому, – Илья повысил голос, Верблюд тут же заткнулся, – что учить вы будете не просто дитарский язык, а так называемый «крысиный диалект». Вашей первой задачей в мире Ксинэи будет избавиться от «крысиного диалекта» и выучить правильное произношение дитарских слов.

– Как это крысиный? – спросил Верблюд, от удивления едва не отпала нижняя челюсть.

– Вы удивлены? А не стоит, – в глазах Ильи мелькнуло злорадство. – Вианту Фурнаку довелось пройти «Другую реальность» в роли крысы.

– Крысы? Вы шутите?

Верблюд подался всем телом вперёд. Сказать, что его удивили и сбили столку, значит ничего не сказать.

– Вовсе нет. Вианту Фурнаку и в самом деле пришлось бегать на четырёх лапах, махать длинным хвостом, жрать мусор и ночевать в канализации на трубах. Говорить на дитарском он не мог совершенно, только пиццать по-крысиному. Виант Фурнак научился только читать по-дитарски и воспринимать дитарскую речь на слух. Почему, собственно, в

реальность он вынес «крысиный диалект». Разве вы не знали, что и в наши дни, в наших земных компьютерах, можно играть не только за людей?

– Признаться, в компьютерных играх я не силён, – Верблюд хлопнул левой ладонью по одеялу. – Мне и в реальной жизни за глаза и за уши хватило адреналина. А так же крови и смертей.

– А, ну да, понимаю: – Илья кивнул, – «войска дяди Васи», «никто, кроме нас». Так вот, обычно в компьютерных играх человек играет за человека, но не всегда. Человек может сыграть за злобного гоблина, длинноухого эльфа, робота или собаку. Когда Виант Фурнак оказался в «Другой реальности», то, в качестве персонажа, он выбрал крысу. Почему, собственно, ему и пришлось бегать на четырёх лапах и жрать мусор. По этой же причине описание мира Ксинэи получилось весьма специфическим и однобоким.

Это в прямом смысле крысиный взгляд на жизнь. Так я расскажу вам, как устроена канализация в привокзальном кафе, где чаще всего подтекают трубы у питьевых фонтанчиков и где лучше всего укрыться от кошки. А вот как люди расплачиваются в том самом привокзальном кафе за кофе и булочки... Это вам придётся выяснить самому.

– Дела..., – Верблюд кивнул.

– Когда вы войдёте в Стартовое меню, то настоятельно рекомендую вам выбрать в качестве персонажа человека. Только так вы сможете овладеть дитарским языком в совершен-

стве и вынести в реальность правильное звучание дитарских слов и выражений. Впрочем, крыса – это единственный персонаж не человек. А теперь давайте включим наши ноутбуки.

Персональный компьютер, что принёс Николай Павлович, так и остался включённым. Пришлось немного подождать, пока загрузится операционная система ноутбука Ильи. Местная сеть оказалась уже настроенной. Штатный лингвист тут же сбросил на винчестер увесистую папку с документами. Верблюд дважды щёлкнул по ней «мышкой». Похоже, в ней не только текстовые файлы, а ещё и музыка, точнее, звук.

– Надеюсь, пользоваться компьютером вы умеете, – Илья глянул на Верблюда поверх монитора.

– Обижаете, – ответил Верблюд. – По крайней мере, я знаю, чем винчестер отличается от оперативной памяти, а папка от файла. Ну а когда я был здоровым, то умел печатать «слепым методом», причём всеми десятью пальцами.

На лице Ильи отразилось недоверие.

– Современная бюрократия, в том числе и военная, давно пересела с бумаги на компьютеры, – пояснил Верблюд. – Правда, бумаг почему-то меньше не стало.

– Тем лучше, – Илья вновь склонился над клавиатурой. – Приступим к первому уроку.

– На мониторе перед Верблюдом раскрылся графический файл с какими-то закорючками.

– Это и есть алфавит дитарского языка, – пояснил Илья. – Впрочем, изучать его вы будете постепенно, по мере освоения новых слов. Специально для вас я составил курс дитарского языка. В его основе лежит курс русского языка для иностранцев.

– А почему именно на основе русского, а не английского? – тут же поинтересовался Верблюд.

– Как ни странно, по своей структуре дитарский язык ближе всего к русскому. В нём так же нет артиклей, чёткой структуры предложений, зато есть шесть падежей.

– Тем лучше, – Верблюд улыбнулся.

Глава 5. Сбылась мечта идиота

– Осторожно, здесь порог, – левая рука что было сил вцепилась в подлокотник.

Толку от предупреждения ноль, Верблюды плотнее сжал губы. Без помощи правой руки его всё равно будет болтать и трясти в инвалидном кресле будто чайную ложку в пустом стакане.

– Ага, вижу, – из-за спины выглянул Николай Павлович. – Сейчас я вас приподниму.

Инвалидная коляска плавно наклонилась назад. Передние колёсики худо-бедно перелетели через порог. Но коварное препятствие тут же ударило по гораздо более высоким задним. Верблюд опять, который раз за последний час, дёрнулся всем телом вперёд. Мышцы на левой руке взвыли от боли. Николай Павлович как-то не догадался хотя бы привязать Верблюда простой верёвкой к спинке инвалидного кресла.

– Осторожней, – Верблюд недовольно поморщился.

– Простите, Геннадий Григорьевич, стараюсь как могу, – голос Николая Павловича хрипит от натуги.

Секретный объект совершенно не приспособлен для инвалидов-колясочников. Здесь начисто отсутствуют пандусы и специальные дорожки. Хорошо, что хоть кресло без проблем пролезло через все стандартные дверные проёмы.

Длинный коридор жилой части «Синей канарейки» закон-

чился перед металлической дверью с массивными запорами. Самое ужасное – это высокий стальной порог, о который так неудачно и больно ударились колёса инвалидной коляски. Дальше стало ещё хуже, зато гораздо интересней.

За миллионы лет вода проточила в глубинах Юланской горы огромный лабиринт пещер. Под резиновыми колёсами коляски закрипел природный камень. Вдоль стен потянулись длинные гирлянды светодиодных светильников. Впрочем, освещения ровно столько, чтобы можно было пройти и при этом не расшибить лоб о низкий столб или врезаться в стену.

Николай Павлович самоотверженно толкает коляску вперёд и только вперёд. Через шелест шин то и дело прорывается его тяжёлое дыхание. Бывший десантник слишком давно забросил физические тренировки, и вот теперь последовала расплата. Время от времени на пути попадаются боковые ответвления. Большая часть из них уходит в темноту.

Поворот, ещё поворот. Каменный потолок едва не обрил Николая Павловича налысо. Словно свет в конце тоннеля, пара ярких фонарей освещает стальную дверь. Вместо замка квадратная панель с рядами выпуклых кнопок. Впрочем, рядом можно разглядеть щель для пластиковой карточки.

Николай Павлович торопливо провёл через щель пластиковую карточку, дверь тут же распахнулась. Внутри самый обычный пост охраны. На стене куча экранов, в левом углу широкая лавка с подголовником. Пара дюжих охранников

поднялась навстречу. Верблюд наморщил лоб. Лицо одного из них кажется знакомым. Вполне возможно, что когда-то им довелось служить в одной части.

Но это ладно. Верблюд даже попытался приподняться в инвалидном кресле. Его внимание тут же приковала квадратная бронированная дверь. Большое колесо точно по середине сияет от наведённого блеска. Неужели? Аж дыхание спёрло. Щёки тут же обдало жаром. Неужели там, там, на самом деле она? Та самая «малахитовая комната»?

Ровно четыре месяца и четыре дня Верблюд прожил на секретном объекте. Как бы не хотелось, но выбраться из личной палаты ему довелось от силы раз семь. Причина столь ярого домоседства всё та же – секретный объект совершенно не приспособлен для инвалидов-колясочников. Впрочем, и смотреть-то было особо не на что. Если разобраться, то офис провинциальной мэрии закопали под землю и не более того. Единственное, в «малахитовую комнату» Верблюда так и не пустили. Всё это время ему пришлось довольствоваться многочисленными фотографиями.

Все эти четыре месяца и четыре дня Верблюд старательно учил дитарский язык. Что не говори, знание нескольких иностранных языков очень пригодилось. Филонить – себе дороже. Ни раз и не два Николай Павлович очень прозрачно намекал, что пора ложиться в «малахитовую капсулу». Сдать назад не получится. Как бы то ни было, Верблюд овладел дитарским языком ровно в той самой мере, в какой его выучил

Илья Шантыгин, штатный лингвист «Синей канарейки».

Параллельно Илья рассказал много чего интересного о мире Ксинэи. Первые две недели Верблюда не покидала уверенность, что всё это не более чем описание компьютерной игры. По-крупному счёту, «Другая реальность» и есть компьютерная игра. Хотя для компьютерной игры она слишком хорошо прописана и обладает охренеть не встать большой локацией размером с планету. А вот что постоянно огорчало, так это «крысиная точка зрения». Многие элементарные бытовые вещи из разряда сходить в магазин, поговорить по телефону и прочие придётся выяснять самому. Как крысе на четырёх лапах, Вианту Фурнаку ни разу не довелось сходить в магазин и тем более поболтать по телефону. Да и, честно говоря, в самую первую очередь осуждённого хакера и геймера волновало собственное выживание. На всё остальное он забил болт, причём большой и толстый. Хотя планшетник и электронный рабочий стол он освоил в совершенстве.

Посторонние мысли разом вылетели из головы, когда за квадратной бронированной дверью потолочные светильники высветили «малахитовую дверь». Верблюд дотронулся до неё левой рукой. И в самом деле на ощупь она очень гладкая и прохладная, будто пластик. Но не дешёвый, а дорогой, высококачественный пластик для самых элитных бань и туалетов.

Если только входная дверь произвела столь сильное впечатление, то вид самой «малахитовой комнаты» заставил

Верблюда потерять от изумления дар речи. Ни одна фотография, даже самая качественная, не способна передать всю гамму впечатлений и эмоций от увиденного.

– Это, – Верблюд судорожно сглотнул, – она и есть? В смысле, «комната малахитовая»?

– Она самая, – из-за спины отозвался Николай Павлович.

Вроде как хорошо знакомый сводчатый потолок и капсулы. Но в реальности они не просто ярко-зелёные, а горят, будто переливаются. Ведь в «малахитовой комнате» и в самом деле нет ни фонарей, ни светильников. Она сама по себе как большой фонарь. Из стен, свода, капсул, даже от пола, струится приятный зелёный свет.

С кряхтением и скрипом Николай Павлович вкатил инвалидную коляску в широкий проход между «малахитовыми капсулами». Прямо на ходу Верблюд дотронулся до ближайшей из них. Вблизи они почему-то всё равно больше похожи на надгробья. Верблюд кисло улыбнулся. Наверно из-за того, что ему сейчас предстоит лечь в одну из них и..., как знать...

– Подождите! – Верблюд ухватился левой рукой за ободья колеса, инвалидная коляска тут же встала.

Между капсулами по правую руку проход упирается в тот самый «малахитовый компьютер». Вблизи он ещё больше похож на барельеф. Но это ладно. На крайней капсуле приклеен стикер: чёрная крыса стоит на задних лапах и при этом улыбается. Под стикером приклеены две красные звезды.

– Что это? – Верблюд развернулся к Николаю Павлови-

чу. – Этого не было на фотографиях.

– А, это, – Николай Павлович недовольно отвернул лицо, – «малахитовая капсула» Вианта Фурнака. Прицепил, прежде чем вновь уйти в «Другую реальность».

– Ага, – Верблюды кивнул. – А две звёздочки вряд ли означают, что он сбил два вражеских истребителя.

– Количество ходок, – нехотя бросил Николай Павлович.

– Отличная идея, – Верблюды улыбнулся. – Николай Павлович, обещайте, что и вы наклеите на мою «малахитовую капсулу» стикер. Пусть на нём будет, – Верблюды на секунду задумался, – верблюды. Да, именно верблюды в голубом берете и с «калашом». И красную звезду, одну, естественно, приклеить не забудьте.

Вот так рождаются новые традиции. И, как обычно, начальство от подобных начинаний не в восторге.

– Хорошо, – Николай Павлович кивнул. – Если через неделю ваша капсула так и не откроется, то, так и быть, будем вам стикер со звездой.

В словах Николая Павловича промелькнул очень тонкий намёк на очень толстые обстоятельства.

– Обещаете? – Верблюды сделал вид, будто намёк пролетел мимо его ушей.

– Обещаю, – Николай Павлович недовольно фыркнул. – Мы приехали.

Всего в «малахитовой комнате» четырнадцать капсул. Восемь с левой стороны от входа и шесть с правой. Но с правой

находится «малахитовый компьютер». Именно к нему ведёт проход между капсулами в правом ряду. Свободных капсул более чем достаточно. Не имеет значения, в какую из них лечь. Они все абсолютно одинаковые. Однако Верблюд потратил немало часов на выбор. В конечном итоге он решил занять левую от прохода к «малахитовому компьютеру», напротив той, где лежит Виант Фурнак.

– Помогите мне, – Верблюд приподнял левую руку, правая лишь бессильно дёрнулась, но так и осталась висеть толстой плетью.

На помощь Николаю Павловичу пришёл один из охранников. Тот самый, с которым Верблюду когда-то довелось служить в одной части. На пару они аккуратно вытащили Верблюда из инвалидного кресла. Охранник осторожно задвинул обе ноги в глубину «малахитовой капсулы», а Николай Павлович мягко опустил голову Верблюда на подголовник.

Такое впечатление, будто его сейчас казнят. Верблюд глянул через пока ещё открытую капсулу. Напротив, через центральный проход, две закрытые капсулы. Два добровольца до сих пор так и не вышли из «Другой реальности». Они живы, только бог знает где застряли. Рядом, на тонком стальной штативе возвышается приборчик, на чёрном корпусе можно легко заметить круглую линзу – аппарат для наблюдения. Такие стоят возле каждой занятой капсулы. Не дай бог прозевать момент открытия. А дальше как повезёт. Может стать, что этот самый аппарат запишет его последние слова. По-

ка повезло вылезти и не умереть только одному. Но и его уже вновь запихали в ту же самую капсулу. Нет в жизни справедливости.

Ну вот и всё, сбылась мечта идиота. Верблюд тихо выдохнул. На этот раз сбылась бесповоротно и окончательно. Там, в таких далёких и таких уютных «Липках», он жаждал умереть и пару раз пытался покончить с собой. Но! Одно дело ковырять вены на правом запястье тупой вилкой и при этом где-то в глубине души надеяться, что его могут спасти. Даже обязаны спасти. И совсем-совсем другое, когда его сознательно и добровольно отправили на смерть. На этот раз сосед по палате ни с того ни с чего не проснётся по среди ночи и не вызовет дежурную медсестру. Заспанный врач не вбежит в палату и не отправит на срочную операцию.

Только, только... Верблюд склонил голову на бок. Если вдруг случится чудо и его вновь отправят в «Липки», то его хватит максимум на месяц-другой. Радость от возвращения быстро померкнет перед чередой однообразных дней, монотонного существования живого покойника. И вот тогда он точно пожалеет, что его вернули в «Липки».

Над раскрытой капсулой склонился Николай Павлович:
– Понимаю: ваша первоочередная задача выжить и вернуться в реальность, но не только. Новые технологии, новые источники энергии, сверхпроводники, электромагнитное оружие и прочее, до чего только сумеете дотянуться. Причём не просто общий рассказ, а конкретное техническое

описание вплоть до чертежей и формул. Не забывайте об этом.

Геннадий Григорьевич, вы будете вольны выбрать любого персонажа. Да и никто не сможет помешать вам. Только не выбирайте крысу, останьтесь человеком и в прямом и в переносном смысле. Ну а как работать с «малахитовым компьютером», – Николай Павлович махнул рукой в сторону, – вы уже знаете. Удачи.

Нужно признать, Николай Павлович – великолепный психолог. В небольшом инструктаже смысле нет ни на грамм. Зато таким ненавязчивым образом Николай Павлович отвлёк от дурных мыслей. Верблюд расслабил левую руку, ладонь тут же упёрлась в круглую кнопчку. Тихий щелчок. Или только показалось? В любом случае, «малахитовая капсула» ожила, полукруглая крышка плавно тронулась с места.

Щель во внешний мир сужается с головокружительной скоростью. Или опять только так кажется? И в самом деле кажется, будто на тебя надвигается «малахитовый потолок». А всё из-за того, что и крышка, и потолок сделаны из одного и того же материала. Крышка вот-вот захлопнется, но в капсуле как и прежде светло. Сама «малахитовая капсула» будто сочится приятным зелёным цветом. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

Глава 6. Кого выбрать?

Края капсулы сошлись. Верблюд затаил дыхание. Кажется, будто и сердце замерло на месте. Неуловимое мгновение «малахитовая капсула» оставалась закрытой. Но вот полукруглая крышка вновь пришла в движение. Через расширяющуюся щель вновь виден полукруглый свод «малахитовой комнаты». И-и-и... Верблюд до боли, до ужаса, вылупил глаза, ничего не изменилось.

Полукруглая крышка отошла полностью. Обе руки разом почувствовали, как круглые кнопки легко толкнули их снизу. И всё? Верблюд шумно выдохнул, будто у него с груди свалилась каменная плита в тонну весом. Вроде как, и в самом деле всё. Причём совершенно не больно и не заметно.

Следом за дыханием сердце забарабанило как сумасшедшее. Того и гляди, проломит грудную клетку. Пошевелиться страшно, а поверить – ещё страшнее. Верблюд скосил глаза, Николая Павловича не видно. И-и-и... Верблюд осторожно повернул голову, пропал аппарат слежения на тонком стальном штативе. Зато, Верблюд что было сил повернул голову и закатил глаза, «малахитовый компьютер» больше не похож на великолепный каменный барельеф. Широкий экран светится. Даже со столь неудобной позиции можно заметить зелёную таблицу меню на чёрном фоне. Отпали последние сомнения – он в игры.

Верблюды вновь повернул голову прямо. И что теперь? По идее, нужно вылезти, выбрать персонажа и уйти в игру. Будь он здоровым человеком, то давно бы так и сделал. Только в том то и дело, что вот уже третий год, как он не сделал ни одного шага. Нужно проверить, но страшно.

Николай Павлович сдержал слово. Вместе с лёгким костюмом стального цвета и ботинками Верблюд получил три ампулы с ядом. Точнее, три очень тонкие иголки в тонюсеньких футлярчиках. Достаточно кольнуть себя, или хотя бы просто оцарапать кожу, как душа тут же с матюгами вылетит из тела. Современные ОВ – страшная дрянь. Целых три ампулы защиты в куртку: первая – в левом рукаве, вторая – в воротнике и третья – в подоле, как раз, чтобы её можно было бы достать левой рукой. Но это ладно, не стоит прибегать к крайним мерам раньше времени. Но почему же так страшно?

Вопрос риторический. Умный и всезнающий Сильвестр Игоревич, главврач «Липок», как-то объяснил. Тяжёлые заболевания и увечья отражаются не только на теле человека, но и на его психике. Как бы не хотелось этого признавать, но парализованные ноги и почти парализованная рука вошли в его сознание, стали частью его личности. И вот эта самая личность сейчас боится погибнуть, сгинуть, вот и тянет кота за хвост.

Хватит! Верблюд шумно вдохнул и выдохнул. Он не может лежать в этой капсуле вечно. Совсем не обязательно сразу же вскакивать на ноги и танцевать ламбаду. Для начала,

вполне достаточно пошевелить правой рукой, хотя бы указательным пальцем.

Верблюд скосил глаза на правую кисть. Напряжение воли! Но пальцы в один момент послушно сжались в кулак и тут же разжались. Показалось? Но нет, пальцы вновь сжались и разжались. Сжались и разжались. Радость, буйная радость, тут же растеклась по груди приятной тёплой волной. Верблюд громогласно расхохотался. Да и кого теперь ему стесняться? Получилось! Правя рука легко и просто приподнялась над телом. Ещё движение... Указательный палец ткнулся в кончик носа. А потом обе руки ухватились за край полукруглой крышки. Верблюд рывком сел прямо.

Первый успех придал уверенности, за спиной будто выросли крылья. То ли компьютер инопланетян удалось надуть, то ли эта внеземная хрень сама решила «исцелить» его – значения не имеет. Надо действовать!

Подобрать ноги и повернуться на бок. Теперь встать и... Верблюд в буквальном смысле этого слова вывалился из «малахитовой капсулы». Едва ли не в самый последний момент тело «вспомнило» былые навыки. Верблюд подогнул голову и согнулся на манер колеса. Плечи с треском «поздоровались» с «малахитовым полом». Сильный удар стрельнул в голову. Зато спина почти плавно перекатилась. Правя нога согнулась в колене, а левая приготовилась встретить пол.

Что и получилось – Верблюд охнул от боли. Левую стопу будто ошпарило кипятком. Ему почти удалось перекатиться

и почти вскочить на ноги. Но не получилось. Верблюд при-
слонился спиной к «малахитовой капсуле».

Это провал? Ещё какой! Но душа всё равно поёт и танцует от радости, Верблюд улыбнулся от уха до уха. Не так давно даже подобный финт был для него за пределами возможно. Просто не стоит сломя голову беситься от счастья. Очень похоже на то, что компьютер инопланетян «исцелил» его, но сделал это на свой манер. Инопланетная хрень вернула правой руке и ногам былую подвижность, а вот мышечный тонус остался прежним.

Осторожно, будто у него не ноги, а две хрустальные колонны, Верблюд перевернулся на колени. Теперь поставить левую стопу и подтянуться на руках... Получилось! Пусть медленно, с трудом, с матюгами и потом, но Верблуду удалось встать на ноги, на обе ноги.

Возможно, эта инопланетная хрень ещё не настроилась как следует.левой рукой Верблюд опёрся о крышку «малахитовой капсулы». Атрофия мышц и всё такое. Сейчас он похож на человека, который очнулся после многолетней комы и заново учится ходить. Верблюд выпрямил спину. Главное, удалось обойтись без изнурительного и долгого курса физического восстановления. Дай бог, прокатит и дальше.

Маленький провал с падением на пол изрядно сбил былую эйфорию, но он так и не сумел прогнать её полностью. Да и уверенность только прибавилась. Господи, помоги! Верблюд отпустил левую руку. Тело тут же качнулось вперёд-назад,

ступни разъехались в стороны. Но-о-о... Верблюд устоял таки на ногах.

«Малахитовый компьютер» равнодушно взирает на него зелёной таблицей простенького меню. Надо бы подойти к нему, выбрать игру, персонаж и уйти в «Другую реальность». Пусть перед тем, как лечь в «малахитовую капсулу», Верблюд основательно подкрепился, но терять время всё равно не стоит. Не нужно повторять ошибку Вианта Фурнака, который сначала долго не хотел принимать реальность, то есть, виртуальность, а потом потратил кучу драгоценных часов на пустопорожнее блуждание по Стартовому меню. Впрочем, Верблюд опустил правую руку, Вианта можно понять.

Шаг. Ещё один. Ещё... Верблюд вновь опёрся левой рукой о «малахитовую капсулу». Ничтожные три шага, а ноги гудят так, будто пробежал с полной выкладкой не меньше сотни километров. Чуйка подсказывает, что нужно немного подождать и перевести дух. Раз компьютер инопланетян сказал «А», в смысле, исцелил его, то обязательно скажет и «Б», в смысле, настроит возможность ходить на своих двоих.

Верблюд поднял правую ладонь к глазам. Даже не верится! Пальцы послушно сжались в кулак, а потом без всяких проблем разжались. Ощущения реальней некуда. В голове до сих пор не укладывается, что он в виртуальном мире. Теперь понятно, почему Виант Фурнак не сразу принял виртуальность, ведь он был полностью здоров, когда попал в Стартовое меню. В отличие от предшественника, перед Вер-

блюдом постоянно маячит очень даже серьёзное доказательство нереальности происходящего – он может просто ходить. Ладно, хватит болтать с самим собой.

Шаг. Ещё шаг. Наконец-то! Верблюд навалился всем телом на панель под «малахитовым компьютером». Прогресс налицо – два шага дались значительно легче. Мышцы больше не гудят как после сотни с полной выкладкой. Как будто просто прогулялся по лесу налегке с десяток другой километров. Ладно, что там, Верблюд поднял глаза на широкий экран. Впрочем, «Другая реальность» подождёт. Очень хочется проверить ещё одно предупреждение. Верблюд развернулся на месте, панель упёрлась в поясницу.

Шаг. Ещё шаг. И ещё. Получилось! Верблюд самодовольно улыбнулся. Тело больше не колбасит на ходу, а ноги не разъезжаются. Он вполне может передвигаться на своих двоих. До пика былой физической формы, когда он мог с сорокакилограммовым рюкзаком на спине прошагать без отдыха хоть двадцать километров, хоть сорок, вряд ли дойдёт. Но и того, что есть, уже достаточно.

Ни аппаратов для слежения, ни кабелей нет и в помине. Некоторые капсулы закрыты как и прежде. А вот и входная дверь, точнее, то, что от неё осталось. Виант Фурнак не сохранил – входная дверь превратилась в барельеф. Вот и не верь глазам своим. Верблюд дотронулся кончиком пальца до бывшего косяка. Правдоподобие поражает. Тогда, Верблюд развернулся на месте, барельеф на противоположной стене дол-

жен превратиться в дверь.

Новый переход через всю «малахитовую комнату» дался без былого напряжения. У противоположной стены Верблюд не удержался и слегка подпрыгнул. Ноги чуть гудят как после основательной утренней пробежки, но былой слабости уже нет. А барельеф и в самом деле превратился в дверь. Между «малахитовым косяком» и «малахитовой дверью» можно заметить щель. Пусть очень тонкую, но уже точно не монолитный камень.

На обратном пути Верблюд заглянул в собственную капсулу. Так и есть – обе кнопки на рельефе кистей превратились в камень. Вот таким ненавязчивым образом компьютер инопланетян дал понять, что обратной дороги нет.

Пусть «малахитовый компьютер» ожил, однако функции «хранитель экрана» у него нет. Зелёная таблица меню так никуда и не делась. Точно в центре экрана мигает прямоугольный курсор. Верблюд осторожно толкнул указательным пальцем шарик-манипулятор, курсор тут же сместился в сторону. Маленькая кнопка рядом с шариком должна быть аналогом левой кнопки на манипуляторе «мышь». В принципе, для работы вполне достаточно. А большая кнопка, Верблюд скосил глаза, станет активной, когда он выберет игру и персонажа. Но это будет несколько позже.

Да-а-а... Верблюд качнул головой, вот где пригодился дитарский язык. Если Виант Фурнак пялился на строчки и зелёные буквы как баран на новые ворота, то сейчас их вполне

можно прочитать.

Первая строчка сверху: «Выберите игру». Верблюды опустил глаза. В таблице и в самом деле активна только одна игра, самая первая. Вот такое очень тонкое издевательство – предложить выбор при полном отсутствии выбора.

«Ядерный конфликт» – единственная доступная игра. В соседней гораздо более просторной ячейке описание. Верблюд сощурил глаза. А вот и недостатки «дистанционного обучения» дитарскому языку. Слова, вроде как, знакомые, но описание игры всё равно придётся расшифровать. Виант Фурнак вынес из «Другой реальности» основательную базу дитарского языка, только он весьма переиначил её на свой лад.

Ладно, это технические трудности. Суть первой игры в том, что игрок попадает на Ксинэю накануне глобальной ядерной войны. Если верить описанию, то игроку кровь из носа нужно убраться в реальность до начала этой самой войны, либо пережить её, а уже после выйти в реальность. Верблюд поморщился. От такой откровенности аж мороз по коже. Только, опять же, выбора нет. А что ниже?

Вторая игра называется не менее оригинально – «Выжженные земли». Это, это, Верблюд машинально зашевелил губами, очень похоже на постапокалипсис. Да, точно он. «Ядерный конфликт» закончился, Ксинэя в радиоактивных руинах, несколько основных очагов возрождения человечества, которые, вот же хрень, враждуют между собой. Ещё

что-то и биотехнологиях и... Верблюд наклонился ближе к экрану, что-то о поломанных компьютерах. Хотя, если судить по контексту, вместо «поломанный» может быть «тронутый», «сумасшедший», «неисправный».

Впрочем, хрен редьки не слаще. Верблюд протёр кулаками глаза. Это либо реальная история инопланетян, либо у них очень большая фантазия. Ну а третья игра? Верблюд вновь сощурился.

Да-а-а... Верблюд аж крикнул от досады. Если описание первых двух игр худо-бедно понять можно, то третья... Что-то вроде «от планеты», или «вне Ксинэи». Зато можно легко узнать фразы «социальный кризис», «тяжёлая экономика», «суперболезнь» и-и-и... Вишенка на торте, «полицейское государство», ну или «тоталитарное».

Верблюд распрямил спину. Очень интересный набор слов и выражений. Если прикинуть, то название третьей игры можно перевести как «Буйное внеземелье». Разбираться с описанием четвёртой игры расхотелось вовсе.

Ну и игры, прости господи. Верблюд тряхнул головой. На них можно смело ставить метку «80+», ибо только старый маразматик со справкой добровольно полезет в мир, где царит хронический экономический кризис, эпидемии то и дело косят людей, а без специального разрешения властей нельзя даже сходить в туалет.

Ладно, поехали. Шарик-манипулятор легко провернулся, курсор приблизился к нижней части полосы прокрутки. Вер-

блюд нажал на маленькую кнопочку. Список игр послушно уплыл вверх. Всего двадцать, максимум, тридцать игр. Что там написано в описании – лучше не знать, а то обед в желудке ещё как следует не переварился. Зато только что подтвердилось ещё одно наблюдение Вианта Фурнака – знания, те самые технологии сверхпроводников и электромагнитное оружие, нужно заработать потом и кровью, а потом вовремя унести ноги.

Таблица-меню послушно прокрутилась вниз. Прямоугольный курсор осторожно напoлз на крайнюю правую ячейку в самой верхней строке. Надпись «Ядерный конфликт» тут же окрасилась в бледно-зелёный цвет. Осталось подтвердить выбор. Эх, Верблюд коротко выдохнул, была не была! Указательный палец утопил маленькую кнопочку.

На экран тут же выскочила надпись: «Подтвердите выбор». Верблюд навёл курсор на левое слово «Да». Надпись тут же пропала. Вместо неё появилась ещё одна зелёная таблица. Только, на этот раз, сверху другое пояснение: «Выберите персонаж».

Невероятно! Верблюд тихо выдохнул. Это, всё таки, правда. Ему сотню раз рассказывали, что его ждёт, как войти в «Другую реальность». Однако, где-то там, на самом дне души, плескалось банальное неверие. А всё из-за источника информации, одного-единственного источника информации. Соврать для красивого словца у Вианта Фурнака получилось бы вряд ли, а вот напутать – это запросто. Только что

рухнула самая последняя, самая тайная надежда.

Верблюды тихо вздохнул. Он входит в игру так, как в неё вошёл Виант Фурнак. Значит, ему и в самом деле придётся столкнуться с ядерной войной. С тем самым кошмаром, одна мысль о котором уберегла СССР и США от прямого столкновения во время Карибского кризиса. Как ни странно, забытые под завязку ядерные арсеналы и в самом деле поспособствовали сохранению мира на Земле. Пусть хрупкому, но, всё же, миру. А в «Ядерном конфликте» этот самый хрупкий мир будет разбит, причём грубо, внезапно и бог знает по какой причине. Вианту Фурнаку так и не удалось выяснить, на кой хрен два блока вцепились друг другу в глотки ядерными клыками. От волнения и осознания на лбу выступили капельки пота, Верблюд машинально смахнул испарину рукавом. И ему, чёрт побери, придётся принять участие в этом, этом, прости господи, ядерном безумии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.